

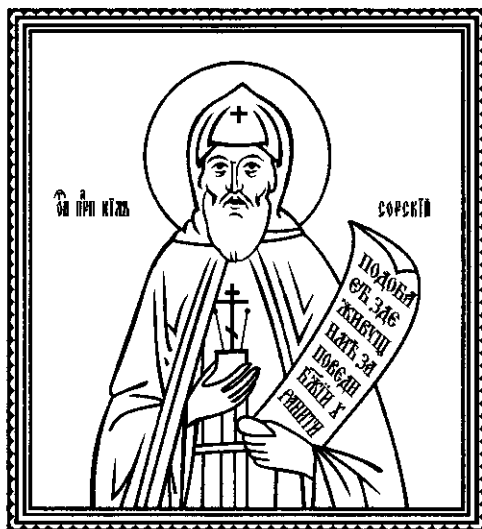
преподобный Нил Сорский

УСТАВ

О СКИТСКОЙ ЖИЗНИ

ПРЕПОДОБНЫЙ НИЛ СОРСКИЙ

УСТАВ
О СКИТСКОЙ ЖИЗНИ
новый русский перевод

Издательство Ново-Тихвинского
женского монастыря
Екатеринбург 2002

ББК 86.372

Н 66

*По благословению
Высокопреосвященнейшего Викентия,
архиепископа Екатеринбургского
и Верхотурского*

Преподобный Нил Сорский
Устав о скитской жизни (новый русский перевод) —
Екатеринбург, 2002. — 91 с.

ISBN 5-94512-022-7

Новый русский перевод “Устава о скитской жизни” прп. Нила Сорского (ок. 1433-1508 гг.), осуществленный сестрами Ново-Тихвинского женского монастыря г. Екатеринбурга. Произведение, несомненно, является чрезвычайно полезным как для монашествующих, так и для всех ревнующих о своем спасении мирян. В нем последовательно раскрываются основы духовной жизни православного христианина: рассматриваются основные виды душевных и телесных страстей, характеризуются приемы и этапы борьбы с ними, дается описание главнейших добродетелей. Особенно подробно прп. Нил излагает учение о непрестанной Иисусовой молитве, умном делании. Все сочинение составлено исключительно по творениям святых отцов, изобилует многочисленными цитатами и ссылками. Для широкого круга читателей.

© Ново-Тихвинский женский монастырь,
перевод, дизайн, 2002

ISBN 5-94512-022-7

**ПРЕДАНИЕ
СТАРЦА НИЛА ПУСТЫННИКА
СВОИМ УЧЕНИКАМ;
и всем полезно его иметь**

(Перевод текста по рукописи ГИМ, Епархиальное собр., № 349, Сборник, к. XV - н. XVI в., лл. 17-83 об. Автограф прп. Нила Сорского)

Вседействием Господа Бога, Спаса нашего Иисуса Христа и вспоможением Пречистой Его Матери написал я писание душеполезное для себя и для господ братьев моих ближних, которые одного со мною духа, ибо так я именую вас, а не учениками. Ведь один у нас Учитель – Господь наш Иисус Христос, Сын Божий, давший нам Божественное Писание; есть и святые апостолы, и преподобные отцы, научившие и обучающие спасению человеческий род, – все они прежде сами исполнили добродетели и так иных научили. Я же не делаю ничего доброго, но только Божественные Писания¹ пересказываю принимающим их и хотящим спастись. И поскольку Писание говорит, что *пришельцы мы здесь и переселенцы* (см. Евр. 11, 13)², там же, по смерти,

¹ Под «Божественными» и «Святыми» Писаниями преп. Нил понимает не только Священное Писание, но и творения святых отцов.

² Все цитаты из Священного Писания приводятся в тексте так, как они даны у преподобного Нила Сорского.

вечная жизнь и непреходящее житие – или в покое, или в муке, как кому воздаст Бог по делам его, – то подобает нам позаботиться о том посмертном житии. И потому преподавал я писание господам братьям моим, спасения ради моего и всех произволяющих, воздвигая совесть к лучшему и сохраняя от нерадения, порочной жизни и грехов зло и плотски мудрствующих людей, и от ложных и суетных преданий, прившедших от общего нашего врага и обольстителя и от лени нашей.

В начале же, как подобает, задумал я поместить [слово] о вере. Верую во единого Бога, в Троице славимого, Отца и Сына и Святого Духа, – Троицу единосущную и нераздельную. Также и в воплощение Сына Божия верую, совершенным Богом и совершенным Человеком Того исповедую и прочее исповедание православной веры все принимаю и исповедую всею моею душою. Также и Госпожу мою Святую Пречистую сущую³ Богородицу со мною верую и любовью исповедую, величаю и славлю; и всех святых почитаю, приемлю, прославляю и соединяюсь [с ними] благодатию Христовою. И прибегаю всею душою ко Святой, Соборной и Апостольской Церкви и все учения о православной вере и о деятельной жизни, которые приняла она от Господа и святых апостолов, от святых отцов Вселенских и поместных соборов и прочих святых отцов Святой Церкви и, приняв, нам предала, – все это принимаю и почитаю со мною верую и любовью. Лжеименных же учителей еретические учения и предания все проклиная, я и пребывающие со мною, и еретики все чужды нам да будут.

³ Т. е. истинную.

Поскольку многие благоговейные братья приходят ко мне, желая жить у нас, а я многократно отказываю [им] (ибо грешный и неразумный я человек, и душою и телом немощный), отклоняемые же мною, не оставляют они меня в покое и не перестают докучать мне, отчего бывают у нас смущения, то рассудил я так: если есть воля Божия, чтобы они пришли к нам, подобает им знать предания святых, и хранить заповеди Божии, и исполнять предания святых отцов, а не выставлять отговорки, и *не измышлять оправдания в грехах* (см. Пс.140,4), и не говорить: «Ныне непосильно по Писанию жить и последовать святым отцам». Но хотя и немощны мы, а, сколько есть силы, нужно уподобляться и последовать приснопамятным и блаженным отцам, пусть и невозможно нам в равную меру с ними достигнуть. Если же кто не желает этого, – да перестанет докучать моему окаянству; ибо я отсылаю таких ни с чем, как прежде сказал, – [ведь] не я прихожу к ним, желая начальствовать, но они, приходя ко мне, понуждают меня [к тому]. Если же и пребывающие у нас не будут стремиться хранить этого и не послушают слова нашего, что говорю им от Святых Писаний, то я за них ответ давать не хочу по причине их самочиния и неповинен. А если желают так жить, – свободно и без опасения принимаем таковых, говоря им слово Божие; хотя сам я и не исполняю его, да, может быть, и я благодатию Христовою, по молитвам получивших пользу, сподоблюсь сказанного в божественной «Лествице»: «[Некоторые], погрязшие в нечистотах, объясняли мимоходящим, каким образом погрязли там, для спасения их [об этом] рассказывая, чтобы и они в тех же не-

чистотах не увязли. И за спасение тех и этих Господь от нечистот избавил». И еще говорит Лествичник: «Не будь жестоким судьей тех, которые учат словом, видя, что они к деланию ленивее, ибо часто скудость дела восполняется пользой от слова». Опять же, с другой стороны, боясь греха, [святые отцы от продолжительных поучений] отвращают, как сказал святой Максим: «Много нас говорящих, мало же творящих». Впрочем, слово Божие никто не должен утаивать по своему нерадению, но, сознавая свою немощь, не скрывать и Божией истины, чтобы наряду с преступлением заповедей не быть нам повинными и в превратном толковании [другими] Божиих слов.

Слов же святых отцов и иных [творений] такое множество! И потому, изучив Божественные Писания, преподаем их приходящим к нам и в них нуждающимся (скорее же, не мы, ибо мы недостойны, но [сами] блаженные святые отцы [говорят] из Божественных Писаний), и пребывающим у нас надо стремиться тщательно их сохранять – так мы желаем и любим.

Если кто-то из братии от разлечения или небрежения отпадет в чем-нибудь от преподанного ему, то должен исповедать это настоятелю, и тот, как подобает, исправит согрешение. И таким образом, в келии ли случится согрешение или с вышедшим куда-либо [из нее], – исповеданием нужно его исправлять. Много же осторожности подобает иметь вышедшему куда-нибудь из келии, особенно должно преподанное сохранять. Ибо для многих ненавистно отсечение ради Бога своей воли, но каждый ныне незаконно присваивает себе оправдание. О таковых в божественной «Лестви-

це» сказано: «Лучше [послушника] изгнать, чем оставить творить свою волю, потому что изгнавший часто делает изгнанного смиреннейшим и впредь [вынуждает] отсекал свою волю, а кто мнит, что проявлять к таковым снисхождение есть человеколюбие, тот заставляет их горько проклинать себя во время [их] исхода».

Святыми же отцами строго предано нам то, дабы ежедневную пищу и прочее нужное, что Господь и Пречистая Его Мать для нас устроят, [приобретали] мы себе от праведных трудов своего рукоделия и работы. *Не работающий*, – сказал Апостол, – *да не ест* (см. 2 Сол. 3, 10), ибо жителство и нужды наши [от наших собственных трудов] должны устраиваться. А делать подобает то, что возможно под кровом. Если в общежитиях по нужде похвально и под открытым небом, [например], упряжку волов гнать пахать и иное что-либо тяжелое своими силами делать, говорит Божественное Писание, то для живущих уединенно это достойно укора. Если же в нуждах наших не удовлетворимся мы от работы своей, по немощи нашей или по иной какой-нибудь уважительной причине, то можно принимать немного милостыни от христолюбцев – необходимое, а не излишнее. Стяжания же, принудительно от чужих трудов собираемые, вносить [к себе] отнюдь нам не на пользу, ибо как, их имея, можем сохранить мы заповеди Господни: *Хотящему с тобою судиться и взять твою рубашку отдай и верхнюю одежду* (см. Мф. 5, 40) и другие подобные, будучи страстными и немощными? Но должны мы [таких стяжаний], как яда смертоносного, избегать и отвергать их. При покупке же потребного нам и при продаже рукоделий

не подобает вводить в убыток брата, но лучше понести убыток самим. Также и работающих у нас – если случится кто из мирских – не подобает должной платы лишать, но даже сверх [нее] надо подавать [им] с благословением и отпускать [их] с миром. Излишнего не подобает нам иметь. «А чтобы давать просящим и берущих взаймы не отвергать – это повелено для лукавых», – говорит Василий Великий. Ибо «не имеющий сверх необходимой потребности не должен подаяния давать и если скажет: “Не имею” – не солгал», – говорит Варсонофий Великий. Ведь явен инок тот, коему не нужно творить милостыню, – кто с открытым лицом может сказать: *Вот, мы оставили все и последовали за Тобою* (Мф. 19, 27). Пишет святой Исаак: «Нестяжание выше таковых подаяний». Ибо милостыня иноческая – помочь брату словом во время нужды и утешить ему скорбь рассуждением духовным, но и это для тех, кто может. Для новоначальных же: претерпеть скорбь, обиду и укоризну от брата, и это – душевная милостыня, и настолько выше она телесной, насколько душа выше тела, говорит святой Дорофей. Если же придет какой странник, должно упокоить его, сколько по силе нашей, а после, если нуждается, дать ему в благословение хлеба и отпустить.

Выходы из обители нашей должно совершать не просто и как случится, но только предусмотренные уставом, нужные, ибо несвоевременно и неоправданно выходить нам из келий наших не подобает, как говорит Василий Великий. Настоятель пусть благочинно устанавливает для братии распределение дел, также пусть повелевает каждому и о выходе, уместном и по-

добающем; и посланный от послушания о Господе да не отказывается, только пусть не считает службу причиной для нерадения, но со страхом Божиим и многим трезвением утверждается, дабы и ему, и пребывающим с ним польза была. Хочу же, чтобы и пока я жив, и по смерти моей все, о чем написал я в писании этом, так было совершаемо.

В келиях наших подобает разговаривать с таковыми братьями и странниками, о которых известно, что ведут они беседы для созидания [и] исправления душ, имея способность с рассуждением слышать и говорить полезное.

Все это, что написал я, если к благоутождению Божью и пользе душевной служит, так да совершаем; а если нет – да будет лучшее, что угодно Богу и полезно для душ.

Об украшении же церковном пишет святой Иоанн Златоуст: «Если кто-то советуется [с тобой], желая принести в церковь священные сосуды или какое-либо иное украшение, повели ему раздать нищим. Ибо никто, – сказал он, – никогда за неукрашение церкви не был осужден». И другие святые так говорят. Преподобная же мученица Евгения и принесенные ей священные сосуды серебряные не приняла, говоря: «Инокам не подобает во владении серебро иметь». Потому и нам сосуды золотые и серебряные, даже и священные, не подобает иметь; также и прочие украшения излишни, но только необходимое для церкви можно приносить. Пахомий же Великий не хотел, чтобы и само церковное здание было украшено. В обители Мохосской он создал церковь и сделал в ней красиво столбы из

плинф⁴; после того помыслил, что нехорошо восхищаться делом рук человеческих и красотой зданий своих гордиться; взяв веревку, он обвязал столбы и повелел братьям тянуть изо всей силы, пока [столбы] не преклонились и не стали нелепыми. И говорил он: «Да не станет ум, от искусных похвал поползнувшись, добычей дьявола, ибо много у того коварства». И если этот великий святой так говорил и так сделал, то сколь более нам подобает в таковых вещах себя сохранять, поскольку немощны мы, и страстны, и умом поползновенны.

О пищи и питии: по силам своего тела и души да довольствуется каждый себя, избегая пресыщения и сластолюбия; до опьянения же совершенно не подобает нам пить никакого питья. Здоровые и юные пусть утомляют тело постом, жаждою и трудом, сколь возможно, а старые и немощные пускай дают себе немного покоя.

У себя, в келиях наших, не подобает иметь сосудов и прочих вещей многоценных и украшенных. Так же и строения келейные, и прочее имущество жилищ наших – все немногоценное и неукрашенное следует приобретать, как говорит Василий Великий, такое, которое повсюду можно найти и легко купить.

Женщинам входить к нам в скит не подобает; и никаких бессловесных женского пола для служения или для иной какой-либо потребности не должно иметь, ибо это нам возбранено. Также и отроков для служения не следует держать и всячески нужно охраняться от гладких женовидных лиц.

⁴ Плинфа – обожженный кирпич, широкий и плоский.

(Перевод текста по рукописи ГИМ, Епархиальное собр., № 349, Сборник, к. XV - н. XVI в., лл. 17-83 об.

Автограф прп. Нила Сорского)

Смысл писаний этих заключается в том, [чтобы показать], какое делание подобает иметь иноку, истинно хотящему спастись во времена нынешние, как мысленно и телесно по Божественным Писаниям и по житию святых отцов сколь возможно надлежит [ему]подвизаться.

ПЕРЕЧЕНЬ ГЛАВ

О различении [стадий] ведущейся с нами мысленной брани, о победах и поражениях [в ней] и о том, что надо тщательно противиться страстям.

О нашей брани с вышеописанным, и [о том], что должно побеждать [все] это памятью Божией и хранением сердца, то есть молитвой и безмолвием ума, и о том, как это делать. Здесь же и о дарованиях.

О том, как и чем укрепляться при наступлении браней мысленного подвига.

О поддержании всего делания в [течение] жизни нашей.

О различии [видов] нашей борьбы и победы над восьмью главными страстными помыслами и над прочими.

В общем о всех помыслах.

О памятовании о смерти и о Страшном суде: как поучаться в этом [делании], чтобы стяжать эти помыслы в сердцах наших.

О слезах: что подобает делать хотящим обрести их.

Об охранении [себя] после того.

Об отсечении [забот] и беспопечении истинном, каковое есть умерщвление для всего.

О том, что в подобающую меру и не прежде времени эти делания подобает совершать, и о молитве об этом, и о прочем нужном.

ИЗ ПИСАНИЙ СВЯТЫХ ОTCОВ О МЫСЛЕННОМ ДЕЛАНИИ: РАДИ ЧЕГО ЭТО НУЖНО И КАК ПОДОБАЕТ СТАРАТЬСЯ О ТОМ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Многие из святых отцов о сердечном делании, блю-
дении помыслов и хранении ума сказали различными
словами, как каждый из них научен был Божией благо-
датью, но одинаково по смыслу, восприняв прежде
слово Самого Господа, сказавшего: *От сердца исходят*
помышления злые и оскверняют человека (см. Мф. 15,
19-20), и научившего *внутренность сосуда очищать*
(см. Мф. 23, 26), и произнесшего, что *в духе и истине*
подобает поклоняться Отцу (см. Ин. 4, 24). К этому же
приводит и апостол, говорящий: *Если молюсь языком,*
<то есть устами,> дух мой молится, <то есть голос
мой,> ум же бесплоден. Помолюсь же духом, помолюсь
же и умом (см. 1 Кор. 14, 14-15). И это апостол завещал
об умной молитве и еще подтвердил, сказав так: *Хочу*
пять слов умом моим сказать, нежели тысячу слов язы-
ком (см. 1 Кор. 14, 19). И святой Агафон сказал: «Теле-
сное делание – только лист, внутреннее же, то есть ум-
ное, – это плод». Страшное изречение произносит
притом святой этот: «*Всякое дерево, – говорит, – не*
приносящее плода доброго, <то есть хранения ума,>
бывает срублено и ввергаемо в огонь» (см. Лк. 3, 9).
И еще сказали отцы, что [если] кто устами только мо-
лится, о уме же небрежет, тот молится воздуху, ибо Бог
внимает уму. И Варсонофий Великий говорит: «Если
внутреннее делание по Богу не поможет человеку –

всуде трудится во внешнем». И святой Исаак телесное делание без умного назвал подобным неплодной утробе и сосцам сухим, ибо к познанию Бога, сказал он, приблизить оно не может. И многие святые отцы говорили так, и все согласны в этом; так и блаженный Филофей Синаит, говоря об иноках, только [внешнее] делание имеющих, по простоте же не ведающих мысленной брани, побед и поражений и потому небрегающих об уме, повелевает молиться о них и научать, чтобы как они от исполнения злых дел удерживаются, так в еще большей мере очищали бы ум, который есть зрительная сила души. Ведь прежде бывшие святые отцы от всего соблюдали ум, и обрели благодать, и в бесстрастие и чистоту душевную пришли, не только отшельники и во внутренних пустынях в уединении жившие, но и в монастырях пребывавшие — не только от мира далеко отстоящих, но и в городах находящихся; как Симеон Новый Богослов и старец его Симеон Студийский: посреди царствующего града ⁵, в большой Студийской обители (в таком многолюдном городе!), как светила, просияли дарованиями духовными. Так же и Никита Стифат, и иные многие. Потому блаженный Григорий Синаит не только отшельников и живущих в уединении учил трезвению и безмолвию, то есть блюдению ума, но и пребывающим в общежитиях повелевал внимать этому и об этом заботиться, зная, что все святые обрели благодать Духа исполнением Христовых заповедей, прежде телесно, а потом [и] умно. Ибо без того не обретается это чудное великое дарова-

⁵ Константинополя.

ние, сказали святые отцы. И блаженный Исихий Иерусалимский также говорит: «Как невозможно жить в этой жизни без еды и питья, так невозможно душе чего-либо духовного достигнуть без хранения ума, каковое называется трезвением, если кто и понуждает себя из страха мук, дабы не согрешать». Ибо истинный делатель Божиих заповедей, сказали отцы, не только на деле должен исполнять их, но и в уме остерегаться преступать заповеданное. «Великое же это, и всепрекрасное, и светородное делание, – сказал Симеон Новый Богослов, – многим от научения приходит; редкие же то без научения, понуждением к деланию и теплою веры, от Бога приняли». Так же говорит и Григорий Синаит, и иные святые. Однако немалый подвиг, сказали, обрести этому чудному деланию наставника непрельщенного (непрельщенным же называли они того, кто имеет делание и мудрование, соответствующие Божественным Писаниям, и духовное рассуждение стяжал). И еще сказали святые, что и тогда едва можно было обрести учителя таковых вещей непрельщенного; ныне же, при крайнем их оскудении, подобает искать трудолюбиво. Если же [такого] не найдется, повелели святые отцы научиться из Божественных Писаний, слыша Самого Господа, говорящего: *Исследуйте Писания и в них обретете жизнь вечную* (см. Ин. 5, 39). *Ведь все, что писано было прежде <во Святых Писаниях>, написано нам в наставление* (см. Рим. 15, 4), – говорит святой апостол.

Поскольку святые, подвизавшись телесно, и умно трудились в винограднике сердца своего, и, очистив ум от страстей, обрели Господа, и стяжали разум духов-

ный, а нам, разжигаемым пламенем страстей, повелели почерпать живую воду из источника Божественных Писаний, способную опаляющие нас страсти угасить и на истинное разумение во всем наставить, того ради и я, многогрешный и неразумный, собрав от Святых Писаний, что сказали об этом духоносные отцы, написал для напоминания себе (однако не в качестве исполнителя этого на деле – я, нерадивый и ленивый, ибо [сам я] никогда не сделал ничего доброго, но пуст был духовно и телесно, [не имея] никакой добродетели, был словно неким купленным рабом неподобающих страстей, во всем им покорным). Поскольку же не из тех я, кто в здравии благодушия и тишине от страстей [пребывает], но в узах болезни страстей нахожусь, то это немногое сказал я не от себя, но от Святых Писаний, малое от многого собрав, как пес от крошек, падающих со словесной трапезы господ своих – блаженных отцов, да хоть немного будем их подражателями.

**О РАЗЛИЧЕНИИ [СТАДИЙ]
ВЕДУЩЕЙСЯ С НАМИ МЫСЛЕННОЙ БРАНИ,
О ПОБЕДАХ И ПОРАЖЕНИЯХ [В НЕЙ]
И О ТОМ, ЧТО НАДО ТЩАТЕЛЬНО
ПРОТИВИТЬСЯ СТРАСТЯМ**

1

Разнообразны, сказали отцы, восстания на нас мысленной брани, победы и поражения [в ней]: прежде – прилог, затем – сочетание, потом – сосложение, затем – пленение и потом страсть.

ПРИЛОГ, сказали святые отцы (Иоанн Лествичник, и Филофей Синаит, и иные), – это простой помысел

или образ [чего-либо] случившегося, только что в сердце вносимый и уму являющийся. Григорий же Синаит говорит, что прилог – это происходящее от врага внушение, например: «Сделай это или то», как [и] Христу Богу нашему: *Скажи, чтобы камни эти сделались хлебами* (Мф. 4, 3). Просто сказать, это какая-либо мысль, уму человека принесенная. И это, говорят, безгрешно, ни похвалы не заслуживает, ни укоризны, так как не в нашей власти. Ибо невозможно, чтобы не было к нам прилога вражеского помысла. Как говорит Симеон Новый Богослов: «С тех пор как дьявол за преслушание соделал человека от рая и от Бога отогнанным, обрел он доступ с бесами своими словесность⁶ всякого колебать мысленно». Ведь только преуспевшим и совершенным возможно непоколебимыми пребывать, но и тем [это] бывает на время, как говорит святой Исаак.

СОЧЕТАНИЕМ же называют собеседование с явившимся [прилогом], по страсти или бесстрастно, иначе говоря – принятие внушаемого врагом помысла, то есть рассматривание его и беседу с ним по произволению нашему. Это означает [уже] обдумывание какой-либо мысли, принесенной уму. И это, сказали, не совсем безгрешно. Когда же кто-либо богоугодно разрешит, достойно бывает и похвалы. Разрешаем же так: если кто не отсечет прилога лукавого помысла, но несколько вступит в собеседование с ним и враг уже будет влагать ему страстные помышления, то пусть он постарается переменить их на благие. Как же на благие помыслы переменять, после, когда Бог даст слово, скажем.

⁶ Словесность – умственная сила души, ум.

СОСЛОЖЕНИЕ же, сказали, – это усладительное склонение души к явившемуся помыслу или образу. Это бывает, когда кто-либо, принимая представляемые от врага помыслы или образы и с ними мысленно беседуя, несколько согласится в мысли своей, чтоб было так, как внушает вражий помысел. Это [судится] по мере устроения подвизающегося. Устроения же подвизающихся [бывают] таковыми: если кто-либо [находится] в преуспейании и принял от Бога помощь отгонять помыслы, но если обленится и по небрежению не постарается отвращать лукавые помыслы, – для того это не безгрешно. Если же кто, будучи новоначальным и немощным еще отгонять прилоги лукавого, несколько и согласится с лукавым помыслом, но тотчас исповедуется Господу, каясь и осуждая себя, и призовет Его на помощь, как написано: *Исповедайтесь Господу и призывайте имя Его* (Пс. 104, 1), то Бог простит [ему] по милости Своей, ради немощи его. Это сказано отцами о сосложении мысленном, когда неволью кто-либо побеждается помыслом, будучи в подвиге, корень же ума его в том утвержден, чтобы не согрешать и не совершить беззакония делом. [И это первое сосложение. Второе же], говорит Григорий Синаит, – когда кто принимает помыслы вражеские по своей воле, и, беседа и сочетаясь с ними, победится ими, и уже более не борется против страсти, но твердо положит в себе сотворить грех; или даже попытается [совершить его], желая на деле исполнить то, что положил в мысли своей, но встретит препятствие или во времени, или из-за места, или из-за иных каких причин; и это особо греховно и подлежит наказанию.

ПЛЕНЕНИЕ же – это или насильственное и невольное порабощение сердца, или продолжительное сочетание с явившимся помыслом, для доброго нашего устройства губительное. [И первое], насильственное и невольное сердца порабощение, – это когда пленен будет ум помыслами, то есть насильно, хотя бы ты [и] не хотел, будет увлечен лукавыми мыслями, но вскоре с Божией помощью возвратишь его к себе. [Второе же], продолжительное сочетание с явившимся [помыслом], для доброго устройства губительное, – когда ум, словно бурю и волнами носимый и из устройства благого изводимый к лукавым мыслям, не может в тихое и мирное устройство прийти; это наиболее от суеты бывает и от многих и бесполезных бесед.

Это иначе судится во время молитвы и иначе не во время [нее], иначе в отношении средних⁷ и иначе в отношении лукавых помышлений. Если пленится [ум] лукавыми помыслами во время молитвы, – это более греховно, ибо во время молитвы подобает собирать ум к Богу, молитве внимать и от мыслей всяческих отвращаться. Если же не во время молитвы и [помышлениями] о нужных житейских потребностях, – такое безгрешно, поскольку и святые нужные в этой жизни потребности незазорно исполняли. Ибо в каждом помысле, сказали отцы, если обретен будет ум в благочестивом размышлении – с Богом пребывает; от лукавых же помыслов всегда подобает отвращаться.

Страсть же, истинно говорят, – это то, что, долгое время гнездясь в душе, как бы в нрав ее от навыка

⁷ То есть ни добрых и ни злых.

обращается; впоследствии страстью увлекается [человек] произвольно и сам собою, [и та] обуревают [его] постоянно страстными помыслами, от врага влагаемыми, утвердившись от сочетания и частого собеседования и обратившись в обычай от многого увлечения помыслами и мечтаниями. Это случается, когда враг часто представляет человеку какую-либо вещь, возбуждающую страсть, и разжигает в нем пристрастие к ней более, чем к чему-то другому, и [тот], хочет или не хочет, побеждается [тем пристрастием] мысленно. Особенно же это бывает, если кто-либо прежде по нерадению многократно сочетался и беседовал [с помыслом], то есть мыслил добровольно о той вещи неподобающим образом. Это у всех или соразмерному покаянию, или будущей муке подлежит. То есть надо каяться и молиться об избавлении от таковой страсти, ибо будущей муке подлежит [человек] за нераскаяние, а не за борьбу. Ведь если было бы иначе, то без совершенного бесстрастия не могли бы некоторые оставления [грехов] получить, как говорит Петр Дамаскин.

Боримому же какою-либо страстью подобает старательно противиться ей, сказали отцы. Скажем, например, о блудной страсти: если кто борим страстью к какому-нибудь лицу, то подобает [ему] всячески удаляться от того: и от собеседования, и от сопребывания, и от прикосновения к одежде его, и от обоняния. Ибо кто всего этого не остерегается, тот совершает страсть и любодействует помыслами в сердце [своем], сказали отцы, сам [в себе] печь страстей распаляет, как зверя вводя лукавые помыслы.

**О НАШЕЙ БРАНИ С ВЫШЕОПИСАННЫМИ, И [О ТОМ],
ЧТО ДОЛЖНО ПОБЕЖДАТЬ [ВСЕ ЭТО]
ПАМЯТЬЮ БОЖИЕЙ И ХРАНЕНИЕМ СЕРДЦА,
ТО ЕСТЬ МОЛИТВОЙ И БЕЗМОЛВИЕМ УМА, И О ТОМ,
КАК ЭТО ДЕЛАТЬ. ЗДЕСЬ ЖЕ И О ДАРОВАНИЯХ**

2

Определяют отцы, чтобы борьба против вышеописанного велась с силой, равной [силе] противника, [когда боримый] по своей воле или побеждает, или терпит поражение в уме своем; проще сказать, должно сопротивляться лукавым помыслам, сколько есть у нас сил. Это — причина венцов или мучений. Венцы — победившим, а муки — согрешившим и не покаявшимся в этой жизни. Согрешение, подлежащее мукам, говорит Петр Дамаскин, — это когда доходит до дела; крепко же борющимся и не изнемогающим в сильной брани с врагом светлейшие сплетаются венцы.

Разумная и искусная брань, говорят отцы, состоит в том, чтобы отсекал начало пришедшего помысла, что называется прилогом, и непрестанно молиться, ибо, сказали они, сопротивляющийся первому, то есть прилогу помысла, разом отрезает все последующее. Потому разумно борющийся отмечает [саму] мать зол, то есть [приступающий] к уму лукавый прилог. И подobaет во время молитвы подвизаться удерживать ум глухим и немым, как сказал Нил Синайский, и иметь сердце, говорит Исихий Иерусалимский, безмолствующим от всякого помысла, хотя бы тот и вполне благим представлялся; потому что, говорит, за бесстрастными помыслами страстные последуют, как опытом познано было, и вход первых причиной [для входа] вторых бы-

вает. И поскольку сказано, что, благим помыслам последуя, лукавые входят в нас, то подобает понуждать себя молчать мыслью и в отношении помыслов, кажущихся правыми, и взирать постоянно в глубину сердечную и говорить: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя» – все; иногда же половину: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя»; и, опять изменив, говори: «Сыне Божий, помилуй мя», – что и удобнее новоначальным, [как] сказал Григорий Синаит. «Подобает же, – говорит, – делать перемену не часто, но – изредка». Прибавляют же ныне отцы к молитве слово: сказав «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», тотчас говори «грешного». И это допустимо, наиболее же подходит нам грешным. И так говори прилежно, стоя ли, или сидя, или лежа, ум в сердце затворяя и дыхание удерживая сколь возможно, чтобы не часто дышать, как говорит Симеон Новый Богослов. И Григорий Синаит [сказал]: «Призывай Господа Иисуса терпеливо, с желанием и ожиданием, отвращаясь от всех помыслов». А что сказали эти святые удерживать дыхание, чтобы не часто дышать, то и опыт вскоре научит, как сильно способствует [это] сосредоточению ума.

Если же не можешь молиться в безмолвии сердца, без помыслов, но видишь их умножающимися в уме твоём, не малодушествуй об этом, но все же продолжай молиться. Блаженный Григорий Синаит, достоверно зная, что невозможно нам страстным победить лукавые помыслы, сказал, что никто из новоначальных не удержит ум и не отгонит помыслов, если [Сам] Бог не удержит его и помыслы не прогонит. Ибо удерживать ум и отгонять помыслы – [дело] сильных. Но и они не

сами по себе отгоняют их, а с Богом подвизаются в брани против них, как облеченные благодатью и всем оружием Его. Ты же, если видишь, сказал он, нечистоту лукавых духов, то есть помыслы, воздвигаемые в уме твоём, не ужасайся, не дивись; если и благие размышления явятся тебе о вещах некоторых – не внимай им, но, удерживая дыхание насколько возможно и ум в сердце затворяя, вместо оружия призывай Господа Иисуса часто и прилежно, и отбегут они, невидимо паляемые, как огнем, Божественным именем. Если же помыслы досаждают долгое время, тогда, встав, помолись против них и опять прежнего делания держись крепко. А как молиться против помыслов – это с Божией помощью скажем после. Однако если и после того, как ты помолишься против них, по-прежнему не знают они стыда и умножаются настолько, что невозможно умом сердце блюсти, то устами произноси молитву непрестанно, долгое время, твердо и терпеливо. Если же разделение и изнеможение овладевают тобою, призывай на помощь Бога и понуждай себя, сколько по силе, молитвы не прекращая, – и вскоре все это непременно отойдет, Божией помощью отгоняемое. Когда же утишится ум от помыслов, снова сердцу внимай и [твори] молитву душевно или умно. Ибо много деланий добродетели, но все они частны в сравнении с трезвением, сердечная же молитва – источник всякого блага, напоющий душу, как [вода] сады, сказал Григорий Синаит. И вот блаженный этот, всех духоносных отцов объяв писания и прочим, [современным ему, подвижникам] последуя, повелевает особенное попечение иметь о молитве, от всех помыслов уклоняясь в ней, если воз-

можно, – не только от злых, но и от мнимо благих. Ведь безмолвие, сказал он, есть отложение на время [всех] помышлений, чтобы, внимая им, как добрым, большего ты не погубил; и искать в сердце [нужно] Господа, как сказал Симеон Новый Богослов, то есть умом блюсти сердце в молитве и внутри него всегда обращаться.

Делание же это – блюдение ума в сердце без всяких помыслов – ненавыкшим весьма трудно, не только новоначальным, но и долго трудившимся делателям, которые не приняли еще внутрь сердца и не удержали сладости молитвы от действия благодати; и по опыту известно, что еще немощным это делание весьма тяжким и неудобоисполнимым представляется. Когда же кто обретет благодать, тогда беструдно и с любовью молится, утешаемый благодатью. Ибо когда придет действие молитвы, тогда, воистину, удерживает оно ум при себе, и веселит, и избавляет от пленения, сказал Григорий Синаит. Потому в молитве подобает быть терпеливым, от всех помыслов отвращаясь доколе возможно, и не вставать петь ⁸ до времени; в терпении, говорит он, да будет сидение ⁹ твое, по сказанному: *В молитве пре-*

⁸ Под пением понимается крайне неспешное, протяжное чтение псалмов, тропарей, кондаков и других молитв.

⁹ По причине трудности молитвенного подвига святые отцы заповедают совершать молитву Иисусову по большей части сидя, употребляя для этого низенькую скамеечку. Они советуют поступать так «по образу слепого нищего, упоминаемого в Евангелии, который, сидя при пути, вопиял ко Господу: Иисусе, Сыне Давидов, помилуй меня (Мк 10, 47), – был услышан и помилован. Эта скамеечка изображает собою также и гноище, на котором был повержен Иов вне града, когда дьявол поразил его с ног до головы лютою болезнью (Иов 2, 8)» (Свт. Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты. М., 1993. Т.2. С. 294).

терпевая (см. Кол. 4, 2), – из-за болезненного изнеможения и мысленного вопияния ума не скоро вставай. И пророческое слово приводит: *Как болеющая, когда приближаются роды, испытывает боль* (см. Ис. 26, 17), и святого Ефрема, говорящего: «Выполняй труд с болезненностью¹⁰, чтобы избежать болезненности легкомысленных (неразумных) трудов». И повелевает [Григорий Синаит], приклонив плечи и испытывая головную боль, терпеть долго [и] с усердием, призывая на помощь Господа Иисуса, долу поникнув и ум в сердце собирая, если только, сказал, оно отверзлось. И Самого Господа Иисуса приводит он слово, сказавшего, что *Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его* (Мф. 11, 12); говорит же, что *усилием* Господь называл усердие ради Него и болезнование. Когда же, сказал он, утомившись, изнеможит вызывающий ум и тело и сердце заболит от усиленного и частого призывания Господа Иисуса, тогда [можно] позволить уму пение, подавая [тем] ему как бы малое послабление и отдых. Этот порядок, говорит он, – наилучший и есть учение премудрых. И наедине ли [находишься] или с учеником, так делать повелевает. Если верного, сказал он, ученика имеешь, пусть тот читает псалмы, ты же сердцу внимай. Мечтаний же зрительных и образов видений отнюдь не принимай никаких,

¹⁰ Под болезненностью «преимущественно разумеется сокрушение духа, плач духа, болезнование и страдание его от ощущения своей греховности... В немощных по телу сокрушение духа и плач его вполне заменяют телесный труд; но от людей сильного телосложения непременно требуется и утеснение тела» (Свт. Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты. Т.2. С.282).

да не будешь прельщен. Ведь парение мыслей бывает и [тогда], когда ум стоит в сердце и совершает молитву, ибо оно никому не подвластно, разве только совершенным в Духе Святом, достигшим непарительности о Христе Иисусе. Говорит же этот преподобный, как сам из опыта уразумевший, и то, что все старание надо прилагать к молитве, а псалмов и тропарей покаянных [читать] беспесненно немного, из-за тесноты уныния, по слову Лествичника: «Не воспоют таковые». Ибо довольно им в веселие бывающей о благочестии сердечной болезни, как сказал святой Марк, и теплоты духовной, к радости и утешению им подаваемой. Повелевает же [св. Григорий Синаит] всегда прилагать ко всякому пению [и] «Трисвятое» с «Аллилуия», по чину древних отцов: Варсонофия, и Диадокха, и прочих.

А что где-то сказал он, устав деланий полагая, что надо час молиться, час читать, час петь и так день проводить, то это хорошо сказал, если соответствует времени, мере и силе каждого из подвижающихся. И на волю [всякого] он оставил: или следовать этому, или неотступно главнейшее соблюдать, то есть быть всегда в деле Божиим. Когда же, благодатью Божией, усладится молитва и начнет действовать в сердце, – повелевает особенно прилежать ей. «Если, – сказал он, – видишь, что молитва действует в твоём сердце и не прекращает совершаться, никогда не оставляй ее и не вставай петь, если по смотрению [Божью сама] не оставит тебя. Потому что, оставив Бога внутри, станешь призывать Его извне, от высокого к нижнему приклоняясь, чем и молитву рассеешь, и ум смутишь, [нарушив] тишину его. Ибо безмолвие – по смыслу наименования его – в мире

и тишине пребывание означает, ведь [и] Бог есть мир, смятения и вопля превысший. [Лишь] не знающим молитвы, которая является, по слову Лествичника, источником добродетелей, напояющим их, словно душевные сады, подобает петь много, и без меры, и постоянно в многообразных [деланиях] пребывать, ибо иное есть делание безмолвия и иное – общего жития, всякая мера хороша, по [словам] премудрых. [Безмолвникам же] должно петь в меру, как сказали отцы, более – упражняться в молитве, а разленившись, – петь или читать подвижнические жития отцов. Ведь не требуются кораблю весла, когда ветер натягивает паруса и переносит [его] через море страстей; но когда [корабль] стоит, необходимо на веслах или в лодке переправляться». Указывающим же по любви к прениям на святых или на некоторых здешних отцов, что они совершали всенощное стояние и непрестанное пение, повелевает [Григорий Синаит] отвечать от Писания так: «Не во всех все совершенно по недостатку усердия или изнеможению сил, но малое ¹¹ в великих не всегда мало, великое ¹² же в малых не всегда совершенно. Ибо не всегда все подвижники, ныне или в древности, одним и тем же путем шествовали или до конца удержались [на нем]». О находящихся же в преуспении и достигших просвещения сказал: «Этим не требуется пение псалмов, но – молчание, непрестанная молитва и созерцание. Ведь они соединены с Богом и нет им нужды отторгать ум свой от Него и ввергать в смущение. Ибо прелюбодействует ум

¹¹ Т.е. пение.

¹² Т.е. молитва.

таковых, если отступает от памяти Божией и за худшие дела усердно берется».

Святой же Исаак, о таких [нечто] высочайшее сообщая, пишет следующее: когда бывает им неизреченная та радость, то молитву от уст отсекает, ибо умолкают тогда, сказал, уста, и язык, и сердце – хранитель помыслов, и ум – кормчий чувств, и мысль – птица скоролетающая и бесстыдная; и более не имеет мысль ни молитвы, ни движения, ни власти над собою, но направляется силою иною, а не [сама] направляет, и в плену содержится в тот час, и бывает в непостижимых вещах, а где – не знает. И называет это [преподобный священный] ужасом и созерцанием в молитве, а не молитвой. И не молитвою молится ум, но превыше молитвы бывает; и ради обретения лучшего молитва оставляется, и в исступлении бывает [человек], и не имеет никакого желания, и, по слову апостола, *в теле ли или вне тела – не знает* (см. 2 Кор. 12, 2). Молитву же наименовал он семенем, а это – собиранием снопов, когда неизреченному зрелищу удивляется жнец: как из маленьких и голых зерен, которые он сеял, такие зрелые колосья пред ним внезапно произросли. Молитвою же называют [это] отцы, поскольку от молитвы происходит и во время молитвы дается святым это неизреченное дарование, и как хотят, так и нарицают явление то, чтобы утвердить душевные помышления¹³; имен же его точно никто не знает. Ведь когда душа подвигнется духовным действием к тому Божественному, через непостижимое соединение соделается подобной Божеству и про-

¹³ Т.е. чтобы иметь ясность, определенность в понимании, наименовании этих вещей.

светится лучом высокого света в своих движениях и когда ум сподобится почувствовать будущее блаженство, то забывает он и себя, и все здешнее, и более не имеет движения ни к чему. И в ином месте говорит [св. Исаак Сирин], что во время молитвы восхищается ум помимо желания в помышления ангельские, в то, о чем чувствам не дано сказать, и возжигается внезапно в тебе радость, [заставляющая] умолкнуть язык от невозможности уподобить чему-либо его улаждения. Кипит же и из сердца непрестанно сладость некая и влечет неошутимо все существо человека от всего на время и время; и нападают на все тело улаждение некое и радость, каких язык плотский не может [и] выразить, пока все земное не вменит [человек] в пепел и сор в памятовании ¹⁴ том. И когда, сказал он, найдет на человека та сладость, кипящая во всем теле его, то кажется в тот час ему, будто не иное что Небесное Царствие, как только это. И еще в ином месте говорит [св. Исаак]: «Обретший радость о Боге не только на страдания внимания не обратит, но и на свою жизнь не оглянется. Ибо любовь Божия сладостнее жизни и познание Бога, от которого рождается любовь, сладостнее меда и со-та». Но это неизреченно и невыразимо; как говорит Симеон Новый Богослов: «Какой язык изречет? Какой ум скажет? Какое слово выразит? Ибо страшно, воистину страшно и превыше слова. Посреди келии на ложе сидя, вижу свет, которого мир не имеет; внутрь себя вижу Творца мира, и беседую с Ним, и люблю Его, и вкушаю, питаюсь сладко единым [бого]видением, и, соеди-

¹⁴ Имеется в виду память Божия, т.е. молитва Иисусова, умное делание.

нившись с Ним, небеса превосхожу; и это знаю достоверно и истинно. Где же тогда тело, не знаю». И о Господе говоря, сказал: «Любит же меня Он, и в Себя Самого принимает меня, и в объятиях сокрывает, – на небесах будучи, Он и в сердце моем, здесь и там виден мне». И тотчас Господу, пред лицом Его, говорит: «Это, Владыка, показывает, что я равен ангелам, и делает меня лучшим их, ибо для них Ты по существу невидим, по природе же неприступен – мне же видим совершенно и с природой Твоей смешивается существо мое». Описывая это, [апостол] поведывает, что *око не видело, и ухо не слышало, и на сердце плотское* [это] *не вошло* (см. 1 Кор. 2, 9). И, в том побывав, не только не хочет [человек] из келии выйти, но и во рву, в земле выкопанном, хочет сокрыться, «чтобы там, – говорит [Симеон Новый Богослов], – наедине, вне всего мира, созерцать мне бессмертного Владыку моего и Создателя». Согласно с этим и святой Исаак сказал: «Когда отыметя у человека от мысленных очей покрывало страстей и увидит он ту славу, тотчас возносится ум в [священном] ужасе. И если бы Бог не положил предела в этой жизни таким вещам, сколько подобает оставаться в них, то, если бы и в течение всей жизни человеческой допущено было, не исшел бы [никто] оттуда, из созерцания дивного тех [вещей]». Но делает Бог по милости Своей так, что умалется у святых благодать на время, чтобы и о братии заботились и пеклись они, служа им словом, то есть поучением о благочестии; как говорит святой Макарий о вступивших в меру совершенства: «Все должно быть принесено в жертву любви и сладости чудных тех видений. Но если бы всегда, – сказал он, – рав-

ную этой [человек] имел благодать, то невозможно было бы ему ни труд и тяжесть словесного учения поднять, ни слышать что-либо или говорить о чем-нибудь из здешнего, или о том хотя бы в малейшей степени позаботиться». И предложил он о совершенных в благодати притчу, [говоря], что словно на двенадцать ступеней восходят они. «Однако ослабевает, – сказал, – благодать, и, сойдя на одну ступень, на одиннадцатой, так сказать, стоят... И потому мера совершенства не удерживается в них, чтобы имели время они и о братии заботиться, и заниматься служением слова». Но что о тех скажем, которые еще в этом смертном теле вкусили бессмертной пищи и еще в этом маловременном мире отчасти сподобились той радости, каковая в Небесном Отечестве уготовляется? Таковые ни к красотам, ни к сладостям этого мира не прилепят, ни скорбей, ни лютых зол не убоятся и с апостолом дерзают говорить: *Ничто не отлучит нас от любви Божией* и пр. (см. Рим. 8, 39). Но это, по слову святого Исаака, [достояние] созерцателей и служителей этой вещи; или наставленных таковыми отцами, и от уст их истинно наученных, и в таковых и подобных исканиях прошедших житие свое.

Мы же, непотребные и во многих грехах повинные, исполнены страстей, потому недостойны бы мы и слышать таковые слова. Но, уповая на благодать Божию, дерзнул я привести отчасти эти духоносные слова Святых Писаний, да познаем хоть мало, каким окаянством объаты мы и какому безумию предаем себя, стремясь к приобщению к этому миру и к преуспеянию в нем, приобретая тленные вещи, ради них в заботы и раздо-

ры вдаваясь и производя опустошение наших душ. И думаем о себе, что творим добро, и считаем, что заслуживаем похвалу. «Но горе нам, что не познаем наших душ и не разумеем, в какое жительство призваны были», как говорит святой Исаак, «жизнь этого мира, или скорби его, или покой его почитаем за нечто». И от лености, и любви к миру, и небрежения нашего говорим, что подобало это древним святым, нам же не требуется, невозможно то. Но не так это, не так! Невозможно для тех, кто по собственной воле предается страстям, не хочет истинно покаяться и поревновать о деле Божиим и любит этого мира бесполезные попечения. А тех, кто горячо кается, — всех милует Господь, и благодетельствует, и прославляет — тех, кто с любовью многою и страхом ищет Господа, и на Того Единого взирает, и творит заповеди Его. Так все Божественное Писание повествует. Ведь многие древние отцы делателями и учителями этого были, и один другого назидали и укрепляли, теперь же, по оскудении таковых, если кто возревнует о деле Божиим, то наиболее [сама] благодать вразумляет и помогает ему отныне и до века. А не имеющих желания подвизаться, и других в нерадение и безнадежие приводящих, и говорящих, что ныне дара древних дарований от Бога не бывает, называет апостол *прельщаемыми и прельщающими других* (см. 2 Тим. 3, 13). Некоторые же и слышать не хотят, есть ли благодать в нынешнее время. Эти многим нечувствием, неразумием и маловерием омрачены, сказал Григорий Синаит. Мы же, познав все это из Святых Писаний, если хотим к делу Божию истинное прилежание иметь, да удаляемся прежде, сколь возможно, от суеты этого мира и постараемся

страсти умалять, то есть сердце бжюсти от лукавых помыслов, тем самым исполняя заповеди; и с хранением сердца да имеем всегда молитву. «Это – первая ступень иноческого возраста, и по-иному страсти умалить невозможно», – говорит Симеон Новый Богослов.

Деланию этому подобает особенно прилежать ночью, сказали отцы. Ибо, сказал блаженный Филофей Синаит, ночью наиболее очищается ум. И святой Исаак говорит: «Всякая молитва, которую приносишь ночью, да будет в очах твоих достойнейшей всех дневных деланий. Ибо сладость, подаваемая днем постникам, от света делания ночного истекает». И прочие святые согласны в этом. Потому сказал Лествичник: «Ночью больше [времени] давай молитве, меньше же пению». И в другом месте говорит: «Утрудившись, делатель встанет [и] помолится». Так и нам подобает поступать: [лишь] когда утрудится ум в молитве, допускать ему немного пения, какое кто имеет правило: или псалмов, или тропарей каких-нибудь, или чего-то иного. «Ибо многословие часто ум в молитве рассеивает, малословие же часто собирает», – говорит тот же Иоанн Лествичник. При рассеянности же помыслов лучше прилежать чтению, как сказал святой Исаак. Как [и] ангел Антонию Великому заповедал: в то время, когда ум твой рассеян, более молитвы прилежи чтению или рукоделию. Ибо новоначальным при нашествии помыслов рукоделие с молитвой или служение какое-либо весьма полезны, сказали отцы; особенно же пригодны во время скорби и помыслов уныния.

Блаженный Исихий Иерусалимский различает четыре способа в этом мысленном делании: или за при-

логами наблюдать, или сердце иметь глубоко молчащим от всякого помысла и молиться, или Господа Иисуса Христа на помощь призывать, или память смертную иметь. «Все они, – сказал он, – лукавым помышлениям противодействуют», и к какому бы из них кто не обратился – все это трезвением, то есть мысленным деланием, называется. Рассмотрев же их все, каждый из нас подобающим ему образом да подвизается.

**О ТОМ,
КАК И ЧЕМ УКРЕПЛЯТЬСЯ ПРИ НАСТУПЛЕНИИ
БРАНЕЙ МЫСЛЕННОГО ПОДВИГА**

3

Таково укрепление в борении во время нашего подвига, указанное во всех Писаниях: да не станем малодушничать и унывать, когда сильно ополчатся на нас лукавые помыслы, и не прекратим движения по пути, как [не останавливаются бегущие] по арене. Ибо и это есть хитрость дьявольской злобы – стыд нам внушать из-за поражения скверными помыслами, [стыд] воззреть к Богу с покаянием и помолиться против них. Но мы всегдашним покаянием и непрестанной молитвой да побеждаем их и да не обратимся спиной к врагам нашим, хотя бы и по тысяче ран на всякий день получали от них. И положим в себе никак не отступать от живоносного этого делания до тех пор, пока не умрем, ибо сокровенно наряду с этим бывает и посещение нас милостью Божией. Ведь не только у нас, страстных и немощных, но и у тех, кто на высокой степени чистоты стоит и в достойном похвалы житии пребывает – в без-

молвном жительстве, в крепости разума Господня, — и у них бывают падения мысленные, но после того — «мир, и утешение, и помыслы целомудренные и кроткие», как говорит святой Исаак. [И далее:] «Сколько раз бывает человек непотребен, и бесчисленно от необученности своей уязвлен, и повержен, во всякое время в бессилии находясь! Но случается, что вырывает он стяг из рук воинов *сынов исполинских* (см. Числ. 13, 34), и возносится имя его, и восхваляется он больше подвизающихся и известных победами, и получает венец и дары драгоценные более всех друзей своих». И на это святые указывают нам достоверно и отъемлют сомнение от ума нашего, чтобы в борении мысленном, во время смущения от наносимых скверных помыслов, не пришел наш ум в расслабление и не уклонились мы в отчаяние. И опять, когда посещение благодати бывает, да не предашься беспечности, не вознесешься, но исповедуйся Богу, и благодари Его, и припадай к воспоминанию согрешений своих, во время попущений с тобой бывших: куда нисходил ты тогда и как обретал ум скотский? И помяни окаянство естества своего, и приведи на память себе нечистые помыслы и безобразные «идолы» ¹⁵, во время зимы ¹⁶ водруженные в уме твоём, и час смущения и бесчиния помыслов, незадолго пред тем восставших на тебя в ослеплении омрачения: как скоро уклонился [тогда] ты к страстям и беседовал с ними в омрачении ума! И поминая это,

¹⁵ Образы.

¹⁶ То есть во время охлаждения благодатной сердечной теплоты, которая, по Григорию Синайскому, есть истинное начало молитвы.

кайся и укоряй себя. Разумей же, что Промысел Божий наводит все это на нас, чтобы мы смирились. Ведь говорит блаженный Григорий Синаит: «Если не будет человек оставлен, побежден и пленен, всякой страстью и помыслом поработившись и духовно побеждаем, ни от дел помощи не обретая, ни от Бога, ни от чего иного отнюдь, так что недолго прийти ему и в отчаяние, насилуемому во всем, то не может прийти он в сокрушение и считать себя ниже всех, последнейшим, и рабом всех, и самих бесов худшим, как совершенно ими насилуемого и побеждаемого. И это есть устроение Промысла и научительное смирение, через которое второе и высокое дается от Бога [человеку] – Божественная сила, действующая и творящая все через него, всегда его своим орудием видящая, с ее помощью совершающим Божии чудеса». Внимай же этому со страхом: если не смиришь мудрование свое, то оставит тебя благодать и совершенно падешь в том, в чем только помыслами ты искушался. Ибо стояние в добродетелях зависит не от тебя, но есть [дело] благодати, носящей тебя на ладонях рук своих, соблюдающей от всего противоположного. Подобаает же нам тщательно внимать тому, чтобы не было нашей [собственной] вины в укреплении против нас лукавых помыслов, оттого что не правильно бы шествовали мы путем Божиим, но развращенно и без охранения. Ведь желающий прилежать любви Божией, истинно спастись и без разлечения, без небрежения всегда дело Господне делать должен жизнь проводить, все в смирении благочестиво исполняя сколько есть сил, со многим усердием и тщанием, держась всех Божественных Писаний.

О ПОДДЕРЖАНИИ ВСЕГО ДЕЛАНИЯ В [ТЕЧЕНИЕ] ЖИЗНИ НАШЕЙ

4

Поддерживать в жизни нашей должны мы то, чтобы всегда и во всем, во всяком начинании, душою и телом, словом, делом и помышлением пребывать в деле Божием, сколько по силе. «Ибо, как прежде, живя в миру, в суете его, всем умом и чувствами поработочены мы были греховному обольщению, – говорит блаженный Филофей, – так, опять же, подобает нам, к житию по Боге приступившим, всем умом и чувствами работать Богу Живому и Истинному, и Божией правде, и воле, и творить Его святые заповеди, и от всего неуютного Богу всячески удаляться, по Писанию, говорящему: *Ко всем заповедям Твоим направлялся я и всякий путь неправды возненавидел* (см. Пс. 118, 128).

Итак, восстав от сна, прежде прославь Бога, затем исповедуйся Ему и потом [занимайся] такими деланиями: молитвой, пением, чтением, рукоделием и, если есть, каким-либо поделием¹⁷. Всегда же должно иметь ум во многом благоговении и утвержденным в надежде на Бога и все творить ко благоугождению Его, а не по тщеславию, не по человекоугодию, зная твердо, что Он всегда с нами, *везде сущий и все исполняющий* (см. молитву Святому Духу); поскольку *насадивший ухо* слышит все и *создавший око* (см. Пс. 93, 9) смотрит везде. И если случится беседа, – и ее [веди] по Боге, остерегаясь ропота, осуждения, празднословия и словопрений; так же и в пище, и в питии – и их [принимай] со стра-

¹⁷ Поделие – занятие между делом, мелкая работа.

хом Божиим. Особенно же во время сна: внутренне [надо быть] благоговейным в мыслях, а внешне – благообразным в [положении] всех членов [тела]. Потому что этот кратковременный сон есть образ вечного сна, то есть смерти, и возлежание на ложе должно считать за положение во гроб. И при всем этом всегда пред очами иметь Бога, по сказанному Давидом: *Всегда видел я пред собою Господа, ибо Он одесную меня есть; да не поколеблюсь* (Пс. 15, 8). Поступающий так всегда пребывает в молитве. Если кто тело имеет здоровое, подобает его утомлять постом, бдением и деланием, требующим труда: поклоны ли или рукоделие должно совершать с утруждением себя, да порабощается тело душе и избавляется от страстей благодатию Христовою. Если же тело немощно – управлять им надо по силе. Относительно же молитвы никогда не нужно быть нерадивым, ни здоровому, ни немощному. Даже и при [отправлении] естественной нужды ум сокровенно да поучается, – со страхом и это подобает совершать. Ведь телесное делание взыщется от здоровых и крепких телом, по силе каждого; мысленное же, т.е. ум иметь в благоговении и надежде на Бога и к любви Его прилежать, всем необходимо, даже и в тяжелой болезни. Также и к ближним нашим должны мы, по Господней заповеди, любовь иметь и, если близ нас окажутся, словом и делом ее показать, если [при этом] сможем сохранить и [любовь] Божию. Если же они далеко от нас, то подобает соединяться с ними любовию мысленно, и всякое злопамятство по отношению к ним из сердец наших изгнать, и со смирением душою перед ними преклониться, и добрым изволением им благо-

угодить. Ибо если Господь увидит нас таковыми, то и наши прегрешения простит, и молитвы наши, как дар благой, примет, и милости Свой щедро нам подаст.

ОБОЗРЕНИЕ ПРЕЖДЕСКАЗАННОГО И УКАЗАНИЕ ПОСЛЕДУЮЩЕГО

Вот, благодатью Божией немного сказали мы от Святых Писаний о мысленном делании, о различных в нем против нас вражеских бранях и о нашем боре-нии в них, что лучшая борьба – это без помыслов хранить сердце в молитве. И сказав о совершении [всего] этого, дерзнули мы отчасти привести Святые Писания, [чтобы показать], какой благодати сподобляются это исполняющие (я же недостойн и прикоснуться к тако-вым). И еще сказали мы, чем укрепляться трудящемуся в этом и как совершенное жительство проводить стре-мящемуся в той наилучшей и первейшей борьбе к ве-ликой победе, то есть к безмолвию ума и истинной мо-литве. А затем, после этого, Богом вразумляемые, ска-жем и о прочих способах различных борений и побед.

О РАЗЛИЧИИ [ВИДОВ] НАШЕЙ БОРЬБЫ И ПОБЕДЫ НАД ВОСЬМЬЮ ГЛАВНЫМИ СТРАСТНЫМИ ПОМЫСЛАМИ И НАД ПРОЧИМИ

5

Различны способы борьбы, которыми победу одер-живаем мы над лукавыми помыслами, сказали отцы, согласно мере каждого из подвижающихся: молиться против помыслов, противоречить им, уничтожать и от-гонять их. Уничтожать и отгонять – [дело] совершен-

нейших, противоречить – и это преуспевших. [Дело же] новоначальных и немощных – молиться против них и лукавые помыслы заменять благими, ибо [и] святой Исаак повелевает страсти подменять добродетелями. И Петр Дамаскин говорит: «Благой прилог помысла должно быть готовым обращать в дело», и другие отцы так учат. Посему и нам, если когда-либо будем обуреваться помыслами, не в силах молиться в мире и внутренней тишине, подобает молиться против них и предлагать на полезные. Как же молиться и предлагать на полезные – об этом Святые Писания представим.

Поскольку сказали отцы, что главных [страстных] помыслов, от каковых и прочие многие страстные помыслы рождаются, восемь: 1) чревообъядения, 2) блудный, 3) сребролюбия, 4) гнева, 5) печали, 6) уныния, 7) тщеславия, 8) гордости, – и первым из всех поставили они [помысел] чревообъядения, то и мы о нем прежде скажем, чтобы чина премудрых нам, неразумным, не переменить; но, последуя словам святых отцов, сделаем так.

ПЕРВЫЙ ПОМЫСЕЛ – ЧРЕВООБЪЯДЕНИЯ

Если досаждают помысел чревообъядения, приводя на память различные и сладостные изысканные яства, чтобы без потребности, не вовремя и сверх меры есть, подобает тогда вспоминать прежде всего слово, сказанное Господом: *Да не отягощаются сердца ваши объядением и пьянством* (см. Лк. 21, 34) – и, Тому Самому Господу помолившись и на помощь Его призвав, помышлять о сказанном отцами, что эта страсть есть ко-

рень всякого зла в иноках, особенно же блуда. И с [самого] начала жизни преступление праотца нашего, первого человека Адама, из-за этого произошло, ибо, прикоснувшись к запрещенной снеди, от рая отпал он и на весь [свой] род навел смерть, как написано: *Прекрасен был видом и хорош на вкус умертвивший меня плод* (См. стихиру на стиховне, которая поется на утрени в пятницу первой недели Великого Поста). С тех пор даже и до сего дня, как повествует Св. Писание, многие, повиновавшись чреву, пали великим падением. Знай же и то, что сладость и благоухание пищи по малом времени в злой смрад и гниль обращаются и ничего полезного [уже] не имеют, говорит Варсонофий Великий; и, это уразумев, укори себя, что желаешь того, чего сладость и благоухание обращаются в такой смрад. И так, в меру и в подобающее время вкушая пищу, побеждай страсть.

О МЕРЕ ПИЩИ. Мера же пищи такова, сказали отцы: если кто установит себе, сколько принимать [ее] в день, и если уразумев, что это много и отягощает его, то сразу пусть от того убавит, если же видит, что это мало и не может тем поддерживаться тело его, пусть прибавит немного. И таким образом, хорошо исследовав, установит [количество], которым может укрепить телесную силу свою, – не для услаждения, но по потребности, и так принимает, благодаря Бога, себя же осуждает как недостойного и того малого утешения. Все же [разнообразие человеческой] природы одним правилом объять невозможно, потому что великое различие имеют тела в крепости, – как медь и железо по сравне-

нию с воском. Впрочем, общая мера новоначальных – перестать [есть, будучи] немного голодным; если же и довольно насытится – и это безгрешно. Если же когда пресытится немного, – да укорит себя и так, благодаря падениям, одерживает победу.

О ВРЕМЕНИ [ПРИНЯТИЯ] ПИЩИ. О времени воздержания от пищи сказали отцы: до девятого часа следует поститься¹⁸. Если же больше кто-либо хочет потерпеть, – это в его воле. Вообще же, во время равноденствия, весною и осенью, постановили они [вкусать], когда преклоняется день, и солнце проходит полудни часа два, и настает час девятый. А летом и зимой в странах северных день и ночь на много часов увеличиваются и сокращаются – не как в Средиземноморье, в Палестине или Константинополе, – и потому поступать нам [тогда] подобает соответственно времени, как удобно. В день же непостный более ранним подобает сделать час [приятия] пищи и, если потребуется, немного вкусить [и] во время вечернее.

О РАЗЛИЧЕНИИ ПИЩИ. О различении же пищи: «От всех имеющихся усладительных снедей должно принимать понемногу – вот рассуждение благоразумных, – сказал Григорий Синаит, – а не одно выбирать, другое же отлагать, – да и Бог благодарится, и душа не возносится, ибо так [и] возношения мы избежим, и добрым творением Божиим не возгнушаем-

¹⁸ По нашему исчислению суточного времени – до третьего часа после полудня.

ся. Немоощным же верою или душою воздержание от снедей полезно, так как, – сказал он, – не веруют они, что будут Богом сохранены; повелел им и апостол есть овощи (см. Рим. 14, 2)». Если же вредна кому-то какая-либо пища, или по немощи некоей, или по естеству, да не понуждает себя принимать ее, но да принимает полезное ему. Ведь говорит Василий Великий, что не подобает снедями, которыми поддерживается тело, ратовать против него.

О РАЗЛИЧИИ ЖЕ ТЕЛ. Если кто имеет тело здоровое и крепкое, подобает утомлять его сколь возможно, да избавляется [оно] от страстей и порабощается душе благодатью Христовой, а если немощное и недужное – давать ему немного покоя, да не до конца отпадет [от делания]. Подобает же подвижающемуся жить в скудости, не насыщаясь, и подавать телу чуть меньше потребного, как в пище, так и в питии. Во время же плотской брани, от врага [воздвигаемой], подобает наиболее воздерживаться, поскольку многие, не удержав чрева, впали в страсти постыдные и неизреченный ров скверны; а когда находится чрево в благочинии воздержания – совместный вход всех добродетелей бывает. Ибо если удержишь чрево – войдешь в рай, говорит Василий Великий, если же не удержишь – станешь добычею смерти. Когда же кто-либо из-за труда путешествия или какого-то тяжелейшего дела снизойдет немного к телу и чуть прибавит к обычно потребному, – это не зазорно, и в пище, и в питии, и во всяком покое, – поскольку с рассуждением, по силе своей [таковой] поступил.

ВТОРОЙ ПОМЫСЕЛ – БЛУДА

Велик для нас подвиг против духа блудного и крайне жесток, ибо включает [в себя] двоякую брань – в душе и теле. Потому всегда подобает нам крепко усердствовать, соблюдать свое сердце бодро и трезвенно от этого помысла, наиболее же в святых собраниях, когда хотим причаститься Святыни, ибо тогда старается враг нашу совесть всячески осквернить. Когда досаждают эти помыслы, тогда подобает иметь страх Божий и напоминать себе, что не может ничто утаиться от Бога, вплоть до тонкого сердечного помышления, и что всему этому Судия и Взыскатель – Господь. Вспоминать же и обет наш, который исповедали мы пред ангелами и людьми, – пребывать в целомудрии и чистоте. Целомудрие же и чистота – не только внешняя жизнь, но *сокровенный сердца человек*, когда чист бывает от скверных помыслов, – *это перед Богом многочестно и возлюбленно* (см. 1 Пет. 3, 4). А часто слагающийся с помыслами блудными по своей воле и оскверняющий себя любодействует в сердце своем, сказали отцы. Бывает же, когда и до дела доходит. И если до дела дойдет, осознаем то, какая беда [ждет нас] по окончании его, ибо ни о каком ином согрешении не говорится отцами так, как об этом. Ведь именуют его падением, потому что лишает оно падшего дерзновения и толкает к отчаянию. Полезно же, думаю, во время брани блудной и о себе размыслить нам, в каком мы образе и чине, – что в образе ангельском ходим и как можем поправить совесть нашу и надругаться над образом этим святым такою мерзостью? Подобает же вспомнить стыд и срам

перед людьми — да не возможем ли и этим отразить тот неподобающий помысел. Ибо если увидят нас люди в этой скверне, то не пожелаем ли лучше умереть, нежели явиться в стыде том? Итак, всяческим образом, [каким только] возможно, следует старательно отсе-
кать этот помысел.

Для того чтобы всегда иметь эту победу над блудными помыслами, великую и страшную, надо прилежно молиться Богу, как учат святые отцы. Максим Исповедник, [например], так повелел против блудных помыслов молиться, заимствовав из сказанного Давидом: *Преследующие меня ныне окружили меня; Радость моя, избавь меня от окруживших меня* (см. Пс. 31, 7; 16, 11). И Иоанн Лествичник, об этом же говоря, свидетеля представляет, дабы против помыслов молиться, сказавшего так: *Поспеши, Боже, избавить меня...* (Пс. 69, 1), и тому подобное. Призывать же на помощь нужно [и] подвизавшихся о целомудрии и чистоте; как Даниил Скитский повелел брату, боримому блудом, помолиться и призвать на помощь мученицу Фомаиду, убиенную за целомудрие, и сказать так: «Боже, по молитвам мученицы Фомаиды помоги мне!» И тотчас избавлен был [брат] от страсти блудной, помолившись у гроба ее. Эти свидетельства имея, и мы так да молимся и призываем на помощь тех, о ком находим во Святом Писании, что подвизались они о целомудрии и чистоте. Когда же сильно теснит брань, «тотчас, встав и к небу очи и руки простерев, помолись», как повелел Григорий Синаит, «и Бог отгонит их [(помыслы)]». Да молись же так, как говорит святой Исаак: «Ты силен, Господи, и Твой есть подвиг, Ты и ратуй, и победи в нем, Господи, за нас».

И как Иоанн Лествичник научил, говоря: «Воззови к Могущему спасти [тебя] не ухищренными словами, но смиренными речами: *Помилуй меня, Господи, ибо немоощен я* (Пс. 6, 3) – и тогда познаешь Всевышнего силу и невидимых невидимо отгонишь». «Всегда же именем Иисуса бей ратников, ибо крепче, – сказал он, – этого оружия не найдешь ни на небе, ни на земле». «Усматривает, [однако], время бес, когда не можем телесно помолиться против него, – говорит тот же Лествичник, – и тогда особенно борет нас».

Итак, внимай старательно, инок, и никогда не поленись помолиться во время лютой брани от скверных помыслов – так, как прежде изобразили мы; возведи око телесно или душевно, смотря по времени и мере силы своей. И если будешь делать это, то опытом познаешь, как невидимой помощью силы Всевышнего эти [помыслы] успешно побеждаются. А если обленишься, то после постыдишься, как имеющий оскверненную совесть, будучи ими побежден. Подобаает же нам разуметь злое ухищрение дьявола и в том, сказали отцы, если предстанет когда-либо нашему уму принесенное им воспоминание женских и юных красивых лиц, пусть и каких-то благочестивых; хоть и нестранным кажется, быстро должно отсекал то, ибо, если в том замедлим, тотчас злой прельститель, предложив помысел, низвергнет [его] в мерзкие и скверные похоти.

Бывает, когда и сами из-за блудных помыслов мы огорчаемся и, размышляя о них, укоряем себя, что желаем этих гнусных [дел], каковые одним бессловесным приличны, сказали отцы; а если и противоестественные [помыслы случаются], – это и скотам чуждо, мы же

ими боримы [бываем]. Но, впрочем, и в том хранить себя подобает новоначальным, чтобы, как-то замедлив в них, хотя бы и мнили бороться с ними, не оказаться действующими по страсти. Поэтому лучше вовсе отсе-
кать прилоги, то есть начало помысла, ибо сочетать-
ся¹⁹ с этими помыслами и богоугодно различать их
способны [лишь] сильные.

Сохраняя же себя от бесед с женщинами и от воз-
зрения на них и избегай сопребывания с юными и ли-
цезрения их женовидных и гладких лиц, ибо то – сеть
дьявола для иноков, как сказал кто-то из отцов. И, если
возможно, не оказывайся с ними наедине, как говорит
Василий Великий, даже при необходимости, ибо ниче-
го, сказал, нет нужнее души, ради которой Христос
умер и воскрес. И не пожелай слышать ничьих непо-
добных бесед, которые возбуждают страсти.

ТРЕТИЙ ПОМЫСЕЛ – СРЕБРОЛЮБИЯ

Сребролюбия недуг – извне естества, от маловерия
и неразумия бывает, сказали отцы. Потому и невелик
подвиг [борьбы] против него для внимающих себе со
страхом Божиим и истинно хотящих спастись. Когда
же [этот недуг] укрепитя в нас, то злее всех оказывае-
тся и, если подчинимся ему, в такую пагубу ведет, что
апостол не только *корнем всех зол* (см. 1 Тим. 6, 10) его
назвал: гнева, скорби и прочего, – но наименовал и
идолослужением (см. Кол. 3, 5). Ибо многие из-за среб-
ролюбия не только от жизни благочестивой отпали, но
и в вере погрешили, душевно и телесно пострадали,

¹⁹ Т.е. вступать в брань.

как повествуется в Святом Писании. Сказано же отцами, что собирающий золото и серебро и уповающий на них не верует, что есть Бог, пекущийся о нем. И вот что говорит [еще] Святое Писание: если кто поработен будет гордыней или сребролюбием – какой-либо одной страстью из этих, – то более бес не борет его иною страстью, потому что довольно ему [и] этой одной для гибели. Потому подобает нам охранять себя от этой пагубной и душетленной страсти и молить Господа Бога, да отгонит от нас дух сребролюбия.

Не только же золота, серебра и имущества подобает нам избегать, но и всех вещей сверх жизненной потребности: и в одежде, и в обуви, и в обустройстве келий, и в сосудах, и во всяких орудиях; и все это немногоценное и неукрашенное, легко приобретаемое и к суете не побуждающее подобает нам иметь – да не впадем из-за того в мирские сети. Истинное же удаление от сребролюбия и вещелюбия – не только не иметь имущества, но и не желать их приобретать. Это нас к душевной чистоте направляет.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПОМЫСЕЛ – ГНЕВНЫЙ

Если томит дух гнева, понуждая хранить злопамятство и поощряя в ярости злом воздать оскорбившему, подобает вспоминать слово, Господом сказанное: *Если не отпустите [каждый] брату [своему] от сердец ваших согрешений их, то и Отец ваш Небесный не отпустит вам согрешений ваших* (см. Мф. 18, 35; Мк. 11, 26). Так что всякий, кто хочет получить отпущение своих согрешений, прежде должен брату своему от сердца

отпустить, ибо оставления долгов повелено просить [нам] у Господа так, *как [и] мы оставляем* (см. Мф. 6, 12); и если мы не оставим сами – ясно, что и нам не оставится. Подобаает знать и то, что если и думаем мы о себе, будто нечто доброе делаем, от гнева же не удерживаемся, – это [Богом] не принимается. Потому что сказано отцами: «Гневливый если и мертвеца воскресит, – молитва его не принимается». Сказано же это отцами не в том смысле, будто мертвого может гневливый воскресить, но чтобы показать мерзость его молитвы. Потому не подобает нам вовсе ни гневаться, ни причинять брату зло не только делом и словом, но и видом, ибо возможно и одним взором оскорбить брата своего, как сказано отцами. Но надо и помыслы гневные отметать от сердца – это-то и есть сердечное оставление.

Великая же победа над гневными помыслами – молиться за брата оскорбившего, как повелел Авва Дорофей, и говорить так: «Помоги, Господи, брату моему имярек и по молитвам его помилуй меня грешного!» Молиться за брата – это любовь и милость, а призывать на помощь молитвы его – это смирение. Творить же и добро ему [должно], сколько по силе, – так исполняются заповеди Господа, Который говорит: *Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, добро творите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас* (Мф. 5, 44). Сколь же большое воздаяние Господь таковым обещал – большее, чем иным: не Царствие Небесное только, не утешение и дар [какой-либо], как прочим, но сыноположение. *Ибо, – сказал Он, – будете сыновьями Отца вашего, Который на небесах* (Мф. 5, 45). Сам же Господь Бог наш Иисус Хри-

стос, эту заповедь преподавший и такое великое воздаяние пообещавший, чему научил, то и совершил, нам давая пример, да и мы подражателями будем тому, сколько по силе. Ибо сколько зла претерпел Он от иудеев ради нас грешных? И не только не прогневался на них, но и молился за них Отцу, говоря: *Отче, отпусти им грех этот!* – (см. Лк. 23, 34). И все святые, этим путем шествуя, обрели благодать, ибо не только не воздавали зла оскорбившим, но и добро им творили, и молились о них, и покрывали недостатки их, радуясь их исправлению, и, когда те к осознанию своих зол приходили, – с любовью и милостью их наставляли.

ПЯТЫЙ ПОМЫСЕЛ – ПЕЧАЛЬНЫЙ

Не малый подвиг [предстоит] нам против духа скорби, поскольку он ввергает душу в погибель и отчаяние. И если случится скорбь от людей, – благодушно претерпевать [ее] подобает и за оскорбивших молиться, как и прежде сказано было, твердо зная, что не без Божия Промысла это с нами случается и все на пользу посылает нам Бог и для спасения душ наших; пусть в настоящее время и не кажется нам [это] полезным, но после откроется, что полезно так, как Бог устрояет, а не как мы хотим. Потому не подобает увлекаться человеческими помыслами, но всею душою надо верить, что Всевидящее Божие око все видит, и без Его воли ничего не может случиться с нами, и посылает Он нам это по милости Своей, дабы мы, будучи испытаны в том и претерпев, были Им увенчаны. Ведь без искушений никогда никто увенчан не был. Потому подобает за

все это воссылать Господу благодарение, как Подателю благ и Спасителю нашему. «Ибо уста, всегда благодарящие, получают благословение от Бога и в сердце благодарящее низойдет благодать», – говорит святой Исаак. И охранять себя нужно от ропота на оскорбивших, поскольку он же говорит: «Все немощи человека сносит Бог, постоянно же ропщущего не терпит, но наказывает его».

Подобает же иметь нам скорбь полезную – о грехах, с надеждою благой на Бога в покаянии, зная достоверно, что нет греха, побеждающего человеколюбие Божие, но все прощает Бог кающимся и молящимся. Эта скорбь бывает смешана с радостью и ко всякому благу делает человека усердным и во всякой болезни терпеливым. *Ибо скорбь ради Бога*, – сказал апостол, – *производит неизменное покаяние ко спасению* (см. 2 Кор. 7, 10). Скорбь же противоположную, от бесов нам приносимую, подобает тщательно от сердца отметать, как и прочие злые страсти; молитвою, чтением, с духовными людьми общением и беседами упразднять ее, потому что она бывает причиной всякого зла. Если замедлит она в нас, то скоро, обратившись в отчаяние, делает душу пустой и унылой, некрепкой, нетерпеливой и ленивой к молитве и чтению.

ШЕСТОЙ ПОМЫСЕЛ – УНЫНИЯ

Когда же уныние сильно ополчится против нас, в великий подвиг душа возводится. Лют этот дух, тягчайший, ибо сопряжен он с духом скорби и споспешествует ему. Пребывающих в безмолвии эта брань силь-

но одолевает. Когда те волны жестокие восстанут на душу, не мнит человек в тот час избавление от них когда-нибудь получить, но такие помыслы влагает ему враг, что сегодня так плохо, а потом, в прочие дни, еще хуже будет, и внушает ему, что оставлен он Богом и не имеет [Бог] попечения о нем или что случается так помимо Промысла Божия и с ним одним только это, с прочими же такого не было и не бывает. Но не так это, не так. Ибо не только нас грешных, но и святых Своих, от века благоугодивших Ему, Бог, как чадолюбивый отец чад своих, наказывает духовным жезлом по любви, ради преуспевания в добродетелях. Вскоре же, непременно, бывает изменение этого и затем – посещение, и милость Божия, и утешение. Ибо как в тот злолютый час не думает человек, что [сможет он] вытерпеть в подвиге жителства благого, но все благое мерзостным показывает ему враг, так, опять же, по изменении того все благоугодным представляется ему и все бывшее скорбным – словно бы того и не было; и усердным становится он ко благому, и удивляется изменению к лучшему. И никак не хочет отступить от пути добродетельного, уразумевая, что Бог по милости Своей устраивает ему это на пользу – наводит ему таковое для научения по любви, – и воспламеняется он к любви Божией, зная достоверно, что *верен Господь* и никогда не *попустит на нас искушение выше силы нашей* (см. 1 Кор. 10, 13). Враг же никак не может нам ничего сделать без попущения Божия, ибо он опечаливает душу не сколько хочет, но сколько попустится ему от Бога. И, уразумев то по опыту, упрямудривается [человек] от происшедших изменений и терпит доблестно лютых

этих [помыслов] нанесение, зная, что в том проявляется любовь инока к Богу, – если доблестно это терпит; и оттого в преуспевание он приходит. Ибо ничто так иноку венцов не доставляет, как уныние, если неослабно к божественному деланию понуждает он себя, сказал Иоанн Лествичник.

Когда бывает эта страшная брань, тогда подобает крепко вооружаться против духа неблагодарности, бояться же и хулы, ибо всем этим борет в то время враг; и исполняется тогда человек сомнения и страха, и внушает ему дьявол, что невозможно ему быть помилованным Богом и получить прощение грехов, избавиться от вечной муки и спастись. И неких иных злых помыслов нашествие бывает, которых невозможно и писанию предать, и прочтет ли он [что-либо] или займется каким служением ²⁰, – не оставляют его. Крепко тогда подобает себя понуждать, чтобы не впасть в отчаяние, и о молитве не нерадеть, сколько по силе, и, если может, пасть на лицо в молитве, – это весьма полезно. Да пусть молится так, как говорит Варсонофий Великий: «Господи, воззри на скорбь мою и помилуй меня! Боже, помоги мне грешному!» И как святой Симеон Новый Богослов повелевает [молиться]: «Не попусти на меня, Владыка, выше силы моей искушение, или скорбь, или болезнь, но дай облегчение и крепость, чтобы смог я претерпеть с благодарением». Иногда же, очи на небо возведя и руки простерев в высоту, пусть молится, как повелел против этой страсти молиться блаженный Григорий Синаит, ибо эти две страсти назвал он жестокими –

²⁰ Т.е. каким-либо трудом на монастырских послушаниях.

имею в виду блуд и уныние ²¹. И так подвизаясь, и чтению сколь возможно прилежи, и к рукоделию понуждай себя, ибо они помощники великие во время нужды той. Бывает же, когда и к этому прибегнуть не позволяет [страсть та], тогда – тягота великая, и крепость многая потребна, и изо всей силы [должно] устремляться в молитву.

Против же духа неблагодарности и хулы подобает говорить так: *«Отойди от меня, сатана; Господу Богу моему поклонюсь и Ему единому послужу* (см. Мф. 4, 10) – и все болезненное и скорбное с благодарностью принимаю, как посланное от Него для исцеления моих согрешений, по написанному: *Гнев Господень я буду нести, потому что согрешил перед Ним* (Мих. 7, 9). Неблагодарность же и хула к тебе, на голову твою, да возвратятся, и тебе запишет это Господь. Отступи от меня. Бог, создавший меня по образу Своему и по подобию, да упразднит тебя». Если же и после этого еще досажда-ет [дух тот], переведи мысль на какой-нибудь иной Божественный или человеческий предмет. Да держится же душа, хотящая угодить Богу, прежде всего терпения и упования, как пишет святой Макарий. Ведь это есть хитрость вражьей злобы – уныние нам влагать, да отступит душа от упования на Бога. Ибо никогда не попускает Бог, чтобы душу, уповающую на Него, одолели напасти, потому что знает Он все немощи наши. Если людям не безызвестно, какое бремя можно понести мулу, какое ослу и какое верблюду, и посильное каждо-

²¹ Речь идет о способе молитвы, указанном прп. Григорием Синаитом, о котором сказано в описании брани с блудным помыслом: «Встав и к небу руки и очи простирая...».

му нагружают, так же и горшечнику известно, сколько времени сосуды держать в огне, чтобы, дольше пробыв, не растрескались и, также, прежде достаточного обжига вынутые, негодными не оказались, – если такой разум у человека, то не гораздо ли лучше, и без меры лучше, знает разум Божий, сколько каждой душе подобает навести искушений, да искусна будет и пригодна к Небесному Царствию и не только будущей славы, но и здесь утешения от Благого Духа сподобится. Зная это, терпеть подобает доблестно, безмолвствуя в келии своей.

Бывает же, когда требуется и человек, опытейший в жительстве и приносящий пользу в беседе, как говорит Василий Великий. Ибо часто, сказал он, уныние, бывшее в душе, может рассеяться от благовременного и безгрешного посещения таковых и беседы с ними в меру, потому что это, укрепив [душу] и малый отдых ей доставив, дает [возможность] усерднее приступить к подвигам благочестия. Однако претерпевать тогда безвыходно в безмолвии лучше, говорят отцы, сами из опыта уразумев [то].

СЕДЬМОЙ ПОМЫСЕЛ – ТЩЕСЛАВИЯ

Много нам трезвения требуется против духа тщеславия, потому что весьма сокровенно, всеми ухищрениями окрадывает он намерение наше, без преуспевания оставляет инока и старается извратить дело наше, да не ради Бога будет, но по тщеславию и человекоугодию. Потому во всякое время подобает нам испытывать себя тщательно, [свои] чувства и мысли, чтобы ради Бога было дело наше и ради душевной пользы,

и избегать во всем [похвал] человеческих, всегда пред очами [ума] имея сказанное святым Давидом: *Господь рассыпал кости человекоугодников* (см. Пс. 52, 6), – и так отметать всегда помыслы, [дело] то хвалящие и по человекоугодию совершать что-либо понуждающие; и всей душой да утверждаем помысел творить все ради Бога. Если же кто, имея твердое намерение по Боге, и побеждается когда по немощи, невольно [тщеславным] помыслом, но исповедуется, молясь Господу, и отворачивается от помыслов тщеславия, то тут же прощается и похваляется Тем, Который знает намерения и сердца наши. Будем же поступать так: если когда по тщеславию нечто задумывать начнем, то плач [свой] и исполненное страха на уединенной молитве нашей предстояние вспомним, если имеем их, если же нет, то об исходе нашем помысел воспримем – и непременно отразим бесстыдное тщеславие. Если же так не [получится], то хотя бы срама, последующего за тщеславием, убоимся. Ибо *возносящийся*, непременно, и здесь, прежде будущего [века], *смирится* (см. Лк. 14, 11), – это говорит Иоанн Лествичник. Если же кто-либо когда-то хвалить нас начнет или уму нашему прилог помысла тщеславного врагами невидимыми принесен будет, представляющий нас достойными чести, и величества, и высоких престолов, как бóльших, чем другие, – тут же скорее множество и тяжесть согрешений наших в уме своем вспомним или одно какое-нибудь наихудшее. И, удержав его, скажи: «Разве достойны делающие таковое похвал этих?» И сразу найдем себя недостойными тех похвал человеческих, и помыслы бесовские отбегут и уже более силою своею не смутят

нас, говорит Никита Стифат. Если же, сказал он, каких-либо злых дел нет за тобой, то о совершенстве заповедей помысли – и найдешь себя [столь же] недостаточным, как малá купель [в сравнении с] величиной моря.

И так, всегда усердствуя, да храним себя всячески от тщеславия. Если же не трезвимся, но часто слагаемся мы с тщеславными помыслами, то вскоре, утвердившись, они породят высокомерие и гордыню, что есть начало и конец всех зол.

ВОСЬМОЙ ПОМЫСЕЛ – ГОРДОСТНЫЙ

О высокомерии же и гордыне что и говорить? Хотя и различаются они именами, но имеют один смысл и называются отцами величанием, надменностью, кичением и по-иному. Все же это преокаянно, ибо Писание говорит: *Бог гордым противится* (см. Иак. 4,6; 1Пет. 5,5) и *мерзок пред Господом всякий надменный сердцем* (см. Притч. 16, 5.) и нечистым именуется. Ведь тот, кто имеет противником Бога, будучи мерзок Ему и нечист перед Ним, когда, в чем и где надеется обрести какое-либо благо, кем помилован будет и кто очистит его? Потому и говорить о таковых горестно. Побежденный этим сам себе и бес, и враг и всегда имеет в себе готовую погибель. Потому подобает нам, всегда трепеща, бояться страсти гордостной и избегать ее, помышляя в себе, что никакое добро не может быть сделано без помощи Божией, но если будем оставлены Богом, тогда, как лист колеблемый или прах, ветром возметаемый, – так смятены будем дьяволом и станем [предметом] по-

ругания для врага и оплакивания для людей. И это уразумевав, со всяческим смирением будем проводить житие. Начало же тому – ставить себя ниже всех, то есть считать себя грешнейшим и худшим всех людей и сквернейшим всех тварей, как в противоестественном [состоянии] находящегося, и самих бесов негоднейшим, как ими насилуемого и побеждаемого. Подобает делать и так: избирать всегда последнее место и на трапезах, и на собраниях среди братии, худшую одежду носить, постыдные труды и молчание любить, предварять, не ленись, низким поклоном при встречах братию и не превозноситься в беседах, не быть любителем словопрений и бесстыдным, не выказывать себя и не желать свое слово вставить, хотя бы оно и казалось хорошим. Потому что, сказали отцы, в новоначальных внутренний человек сообразуется с внешним. «Не верь, что не сохранивший себя во внешнем благоустроен внутренне», – сказал Василий Великий.

Побеждаются же тщеславие и гордыня, а смирение возрастает оттого, если [станем] укорять себя и говорить так, как написал Григорий Синаит: «Откуда я знаю точно человеческие грехи, каковы они и сколько их, превосходят ли или равняются моим беззакониям? И по причине неведения, о душа, [будем считать], что под всеми людьми мы, как земля и пепел под ногами их. Как же не считать себя сквернейшим всех тварей, в естественном состоянии находящихся, как были [созданы], мне, по причине безмерных моих беззаконий [пребывающему] ниже естества? Ибо, воистину, и звери, и скоты чище меня грешного, и потому я [нахожусь] под всеми; словно в ад прежде смерти низведенный,

лежу. Кто же не знает в чувстве ²², что грешник и бесов хуже, как раб тех и послушник, и что за это он с ними во тьме бездны затворен? Воистину, хуже бесов ими обладаемый. И потому [вместе] с ними наследовала ты бездну, душа окаянная. В земле же, в аду и в бездне прежде смерти живущий, как прельщаешься ты умом, праведным себя именуя, будучи грешным и скверным, сотворив себя злыми делами сходным с бесом? Увы прельщению твоему и заблуждению, подобный бесу злой пес, нечистый и всескверный, в огонь и тьму оттого отсылаемый!» Говорится же это о гордыне иноческой, когда из-за многих трудов и подвигов, которые стяжал человек, и страданий, которые претерпел он за добродетель, приражается ему помысел гордыни, по причине жития его благоговейного. А если местоположением монастыря кичиться и тем, что он лучше и братии в нем множество, – это гордыня мирских, сказали отцы; или, по установившемся ныне обычаю, владением селами, приобретением многих имений и преуспеванием в славе мирской [величаться] – о них что и скажем?!

Есть же некоторые, каковые «ничем» превозносятся, то есть хорошим голосом при пении или ясностью произношения в речи, пении и чтении, – ведь какая похвала от Бога человеку за то, что не его волей совершается, но естественным называют отцы? А иные искусством в рукоделии надмеваются, – и это тому же подобно. Есть такие, которые и тем кичатся, что [происходят] от родителей, известных в мире, или [что] род-

²² Т.е. кто же не знает этого не только теоретически, но и сердечным чувством.

ственников среди преимуществующих в славе мира имеют, или если кто-либо сам в каком-то сани или чести в миру был. И это – безумие. Ибо это скрывать подобает. Если же кто и в своем жителстве после отречения от мира славу и честь от людей принимать будет, – это постыдно. Им подобает, скорее, срамить себя, нежели возвышать, ибо слава прославляющих себя этим есть стыд. Если же по причине добродетельного жития, как сказано было [уже], будет без стыда приражаться помысел тщеславия и гордыни, то против этого иного [средства] для победы нет, как молиться Богу и говорить: «Господи, Владыка, Боже мой! Дух тщеславия и гордыни отгони от меня; дух же смирения даруй мне, рабу Твоему». Надо и укорять себя, как и прежде написано было. Ибо говорит Лествичник, как бы от лица тщеславия и гордыни: «Если сам себя пред Господом часто укоряешь, нас за паутину считай». Гордыней же святой Исаак называет не то, когда в уме промелькнет [гордостный] помысел, и не то, если побеждается кто-либо ею по временам, ибо за одно, сказал он, невольное движение помысла Бог не казнит и не осуждает человека; даже если в какой-то момент и согласимся с [помыслом], но тотчас же отринем страсть, – не обвиняет и не требует ответа Господь за таковое наше нерадение, но за то, когда ум [человека] принимает [этот помысел] за истину, как уместный и полезный ему, и не считает его жестоко ему вредящим. Особенно же, если кто словом и делом исполнит страсть, – таковой осудится.

Так и о тщеславии, и о каждой страсти говорится отцами.

Против всех помыслов злых подобает призывать на помощь Бога, поскольку мы [сами] не всегда имеем силу сопротивляться лукавым помыслам ²³, как сказал святой Исаак; нет же иной такой помощи, как Бог. Поэтому нужно молиться Владыке Христу прилежно, с воздыханием и слезами, так, как сказал Нил Синайский: «Помилуй меня, Господи, и не дай погибнуть мне! Помилуй меня, Господи, ибо я немощен! Посрами, Господи, борющего меня беса беспечности! Распрости сень над головою моею в день брани бесовской! Борющего меня врага побори, Господи! Обуревающие меня помыслы укроти тишиною Твоею, Слове Божий!» Феодор же Студит, от Давида заимствовав, так повелел против нечистых помыслов молиться: *Суди, Господи, обижающих меня и побори борющихся со мною!* – и остальное из псалма (см. Пс. 34,1). И как песнописцы ²⁴ написали: «Рассеянный мой ум собери, Господи, и заросшее сорной травой мое сердце очисти! Как Петру, дай мне покаяние; как мытарю – воздыхание; как блуднице – слезы, да взываю к Тебе: “Помоги мне, от скверных помыслов избавь меня!” Ибо, как волны морские, восстают на меня беззакония мои и, как корабль в пучине, утопаю я в помышлениях моих, но в тихое пристанище направь меня, Господи, покаянием и спаси меня! Ибо сильно скорблю я по причине немощи ума моего: как [и] нехотя страдаю от невольного воистину изменения! Пото-

²³ Т.е. вступать с ними в противоречие.

²⁴ Прп. Иоанн Дамаскин.

му вопию к Тебе: “Богоначальная Троица Святая, помоги мне, в стоянии добродетельных учини меня!”»

Это и подобное этому из Святых Писаний говоря, против каждого помысла подходящее и для каждого времени потребное, против всех [злых помыслов] да призываем на помощь Бога, и Тот упразднит их.

Если же нужно будет когда-либо и нам немощным, при досаждении нам лукавых помыслов, произнести [против них] запрещение, противоречить им и отогнать [их], то [да совершаем] это не просто, не как случится, но также именем Божиим, словами Божественных Писаний; и, по подобию святых отцов, скажем каждому помыслу так: *Господь да запретит тебе* (см. Иуд. 1, 9) – и еще: *Отступите от меня, все делающие беззаконие* (Пс. 6, 9), и уклонитесь от меня, все лукавнующие, *да поучусь в заповедях Бога моего* (см. Пс. 118, 73). И по примеру того старца, который говорил: «Отойди, окаянный! Приди, возлюбленный!» Когда услышал это [некий] брат и подумал, что с кем-то беседовал он, и спросил его, говоря: «С кем ты беседовал, отче?» – то он сказал: «Злые помыслы я отгонял, а благие призывал». И если нам это подходит, то эти и подобные этим [слова] да говорим.

**О ПАМЯТИ СМЕРТНОЙ И СТРАШНОМ СУДЕ:
КАК ПОУЧАТЬСЯ В ЭТОМ, ЧТОБЫ СТЯЖАТЬ
ЭТИ ПОМЫСЛЫ В СЕРДЦАХ НАШИХ**

7

Говорят отцы, что в делании нашем очень нужно и полезно всегда иметь памятование о смерти и о Страшном Суде. И Филофей Синаит как бы некий чин

деланию этому устанавливает: с утра, сказал он, [надлежит] проводить [день] в памяти Божией, то есть в молитве и хранении сердца, – даже до времени трапезы; потом, Бога поблагодарив, о смерти и о Суде размышлять подобает. Когда же будем стараться мы это [исполнять], лучше всего иметь в себе слово, сказанное Господом: *В эту ночь ангелы возьмут душу твою у тебя* (см. Лк. 12, 20); [помышлять нужно и о том], что о праздном слове [придется нам] отвечать, как сказал Он, в День Судный (см. Мф. 12, 36) и что *сердечные помышления оскверняют человека* (см. Мф. 15, 18). Вспоминать же надо [и] святых апостолов изречения: *Конец приблизился* (см. 1 Пет. 4, 7) и *Придет день Господень, как тать ночью* (см. 1 Сол. 5, 2), *Всем же подобает нам предстать судилищу Христову* (см. 2 Кор. 5, 10) и *Слово Божие судит* не только дела и слова, но и *помышления сердечные* (см. Евр. 4, 12). Основатель же [монашеского жительства] Антоний Великий говорит: «Так подобает нам всегда помышлять в себе, что [и] этот день не пребудем весь в этой жизни». И Иоанн Лествичник: *«Поминай кончину свою и во веки не согрешишь»* (Сир. 7, 39); и в другом месте он же: «Память смертная всегда с тобой да будет». И Исаак Сирин: «Навсегда положи в сердце твоём, человек, что [предстоит] отойти». И не только все святые это делание имели, но и внешняя философия²⁵ возвещала о памяти смертной.

Что же будем делать мы, страстные и немощные? Как деланию этому научимся, чтобы хоть мало этот помысел в сердцах своих утвердить? Стяжание этой

²⁵ «Внешняя» – имеется в виду по отношению к церковному богословию.

памяти в себе в совершенстве есть дар Божий и дивная благодать, как сказал святой Исаак. Нам же не позволяют пребывать и поучаться в том парение нашего ума и омрачающее забвение. Ибо много размышляем об этом и беседуем друг с другом о смерти, а внутрь сердца углубить и утвердить слова эти не можем. Но оттого да не малодушествуем и да не отступаем от делания этого, поскольку с помощью Божией обретем его трудом со временем. И если кто имеет произволение, пусть делает так да вспоминает прежде написанные слова, разумея, сколь нужно и полезно делание это, ибо как хлеб нужнее всего из всех снедей, так и память смерти – из прочих добродетелей; и как голодному невозможно не вспоминать о хлебе, так и хотящему спастись – не вспоминать о смерти, сказали отцы. Затем пусть сосредотачивает [человек] ум на том, что сказали в писаниях святые о различных страшных смертях, как, [например], блаженный Григорий Беседовник²⁶ и иные многие. Полезным же кажется мне и то, чтобы вспоминать нам различные смерти, которые мы видели и о которых мы слышали, и в наши дни произошедшие. Ибо многие (не только миряне, но и иноки), пребывавшие в благоденствии, и житие этого века любившие, и имевшие надежду на долготу дней, еще не достигнув старости, внезапно смертью пожаты были. Из них же некоторые и никакого ответа в час тот смертный дать не смогли, но так просто, стоя или сидя, восхищены были; иные же, когда ели и пили, испустили дух. Другие, идя по пути, скоропостижно умерли; иные же, возлегиши на ложа [и] думая этим малым и привре-

²⁶ Двоеслов

менным сном упокоить тело, так и уснули сном вечным. Некоторые же из них, как мы знаем, претерпели в последний тот час лютые истязания, и приводящие в трепет страхования грозные, и устрашения тяжкие, одни воспоминания о которых могут немало нас утрашить. И, это все на память приводя, да размышляем: где пребывают друзья и знакомые наши? И что они приобрели от того, если некоторые из них в чести, славе и властителями в этом мире были или богатство и изобильную пищу имели? Не все ли это в тлен, смрад и прах обратилось? И вспомним песнописцев²⁷, об этом говорящих: «Какая житейская сладость пребывает непричастной печали? Или какая слава остается на земле неизменной? Но все немощнее тени и все обманчивее сновидений, на один час [возникает] – и все это смерть приемлет». Воистину, «всяческая суета в житии этом то, что не пребудет с нами по смерти. Не перейдет ведь туда богатство этого жития и не сойдет [туда] с нами слава этого века, но смерть, придя, все то погубит». И, таким образом уразумев суету этого века, «что мятемся всуе, упражняясь в житейском? Ведь путь этот, по которому идем, краток. Дым житие это, пар, пыль и пепел, на малое время является и вскоре погибает» и путешествия ничтожнее, как говорит Златоуст. Ибо путник, идущий по пути, когда хочет в какую-то сторону идти, – идет, а куда не хочет, – не идет; когда же останавливается в гостинице, знает, когда пришел и когда хочет уйти, – может быть, вечером пришел, а утром уйдет; имеет же и власть, если хочет, дольше в гостинице задержаться. Мы же, хотим или не хотим, уходим из

²⁷ Упомянутый выше прп. Иоанн Дамаскин.

жизни этой и не знаем того, когда отойдем, и не имеем власти [остаться], если и еще хотим побыть здесь; но внезапно приходит «воистину страшное таинство смерти, и [тогда] душа с телом вынужденно разлучается, от составов и сочетаний естественного союза Божиим хотением отлучается». И что станем делать тогда, если прежде часа того не попечемся, не поразмыслим о том и окажемся тогда неготовыми? Ибо уразумеем в час тот горький, «какой подвиг имеет душа, разлучаясь с телом! Увы, как она тогда скорбит, и нет того, кто ее помилует! К ангелам очи возводя, напрасно молится; ключам руки простирает и не имеет помогающего ей никого», – только добрые дела по Боге. Посему, осознавая краткость нашей жизни, позаботимся о часе том смертном, не вдаваясь ни в суету этого мира, ни в попечения бесполезные. «Ибо все мятется всякий земнородный, как говорит Писание. Если и весь мир приобретем, все равно в гроб вселимся», ничего из этого мира не взяв: ни красоты, ни славы, ни власти, ни чести, ни иного какого-либо наслаждения житейского. «Ибо вот, смотрим мы во гробы и видим созданную нашу красоту безобразной и бесславной, не имеющей вида. И, глядя на кости обнаженные, скажем в себе: кто здесь царь или нищий, славный или бесславный?» Где красота и наслаждение этого мира? Не все ли – безобразие и смрад? И вот, все чтимое и вожаемое в этом мире совершенно непотребным стало, «и, как цветок, увядши, отпало, и, как тень, проходит мимо, – так разрушается все человеческое». И удивимся этому, говоря себе: «О чудо! Что это за происшедшее с нами таинство? Как предались мы тлению? Как сопряглись со смертью? Во-

истину, как написано, Божиим повелением. По причине преступления заповеди подпал Адам болезни [греха]; из-за вкушения в древности во Едеме [плода] от древа, когда змей яд изbleвал, вошла всеродная смерть, снедающая человека». Но глубиною мудрости Своей неизреченной полагающий сроки нашей жизни и провидящий смерть «Владыка, придя, низложил змея и, воскресение нам даровав», к жизни другой переселяет рабов Своих.

Итак, напечатлеем в уме второе пришествие Господне, наше воскресение и Страшный Суд, сами евангельские слова Господни, как богогласный Матфей [их] записал: *После скорби дней тех солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются. И тогда явится знамение Сына Человеческого, и тогда восплачут все племена земные и увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою многою. И пошлет ангелов Своих с трубным гласом великим, и соберут избранных Его от четырех ветров, от края небес до края их* (см. Мф. 24, 29-31). Возлюбленный же ученик Господень Иоанн так записывает слова Его: *Грядет час, в который все мертвые в гробах услышат голос Сына Божия и, услышав, оживут. И изыдут сотворившие добро в воскресение жизни, а сотворившие зло в воскресение осуждения* (см. Ин. 5, 28-29). И опять Матфей: *Когда придет Сын Человеческий во славе Своей и все святые ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей; и соберутся пред Ним все народы; и отделит их друг от друга, как пастырь отделяет овец от козлов, и поставит овец справа от Себя, а козлов слева. Тогда*

скажет Царь находящимся справа от Него: Придите, благословенные Отца Моего, наследуйте царство, уготованное вам от создания мира (см. Мф. 25, 31-34). К находящимся же слева от Него скажет: Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его (см. Мф. 25, 41). И пойдут эти в муку вечную, праведники же в жизнь вечную (см. Мф. 25, 46).

И что, братия, горше и лютее страшного и грозного того ответа и [того] зрелища, когда увидим, как все согрешившие и не покаявшиеся отсылаются в вечные муки праведным судом Божиим, и люто трепещут, и восклицают, и плачут напрасно? Как же не заплачем мы и не зарыдаем, когда представим в уме страшные и лютые те муки, т. е., как сказано в Писании: огонь вечный, тьму кромешную, пропасть глубокую, червя лютого неусыпающего, скрежет зубов и все прочие бедствия, ожидающие много согрешивших и Бога Преподобного сильно прогневавших лукавым нравом, из которых первый – я, окаянный? Ведь какой страх, братия, будет у нас тогда, когда поставятся престолы, и раскроются книги, и Бог для Суда воссядет со славою, когда и сами ангелы будут предстоять [Ему] в трепете? И что будем делать мы, во многих грехах повинные люди, когда услышим, как Он зовет благословенных Отца в Царство (см. Мф. 25, 34), грешных же отсылает в муку и от избранных отлучает? И что ответим или возразим тогда, когда все наши дела предстанут нам на обличение и все наше тайное будет явлено, в чем согрешили мы во дни и в ночи, словом, и делом, и помышлением? И какой срам тогда охватит нас? Поскольку отречься тогда от грехов никто не сможет, так как истина будет

обличать и страх превеликий овладеет грешными. Праведные же в радости и веселии войдут в Небесный Чертог, принимая воздаяние за добрые свои дела. И кто передаст, братия, страх тот и ужас Второго пришествия Господня и того Суда, страшного и неподкупного? Как некто из отцов сказал: «Если бы возможно было тогда умереть, весь мир от страха того умер бы».

Потому убоимся, и ужаснемся, и напечатлеем это в уме; хотя бы и не хотело сердце, принудим его помышлять об этом и скажем душе своей: «Увы, мрачная душа! Приблизился твой исход из тела! Доколе от зла не отвращаешься? Доколе в унынии лежишь? Что не помышляешь о страшном часе смертном? Что не трепещешь перед страшным судилищем Спасовым? Итак, что ответишь или чем оправдаешься? Вот ведь дела твои предстоят, обличая тебя и обвиняя тебя. Впредь, душа, доколе время имеешь, отступи от дел срамных, примись за благое житие; беги, предвари и с верою возопи: «Согрешил я, Господи, зло согрешил пред Тобою! Но знаю благоутробие Твое, Человеколюбче. Потому припадаю и молюсь Твоей благодати: да придет на меня милость Твоя, Владыка! Ибо смущена душа моя и болезнует об исхождении своем из окаянного моего тела – да не встретил бы ее сонм лукавого супостата и не запнул ее во тьме за неведомые и ведомые, в этой жизни бывшие, мои грехи. Милостив будь ко мне, Владыка, и да не узрит душа моя темного взора лукавых бесов, но да примут ее ангелы Твои пресветлые. Имеющий власть оставлять грехи, оставь мне, да почию и да не явится пред Тобою грех мой, каковым согрешил я по немощи есте-

ства нашего словом, делом и помышлением, в разуме и неразумии! Да явлюсь пред Тобою при совлечении тела моего не имеющим никакой скверны на образе души моей, и да не примет меня, грешника, темная рука князя этого мира, чтобы ввергнуть меня во глубину адову, но предстань мне и будь мне Спасителем и Заступником. Помилуй, Господи, осквернившуюся страстями жития этого душу мою, и прими ее через покаяние и исповедание чистой, и Своею силою возведи меня на божественный Твой Суд. И когда придешь, Боже, на землю со славою и сядешь, Милостивый, на престоле Твоем совершать праведный Твой Суд, мы же все нагие предстанем неподкупному Твоему Суду, как осужденные, и начнешь Ты исследовать наши согрешения, каковыми согрешили мы словом, делом и помышлением, тогда, Преблагий, не обличи мое тайное и не посрами меня пред ангелами и людьми, но пощади меня, Боже, и помилуй меня. Поскольку о страшном Твоем Судилище помышляю я, Преблагий, и Дня Судного, трепеща, боюсь, совестью моею обличаемый, то скорблю я много о делах моих лукавых и недоумеваю, как ответить Тебе, бессмертному Царю, так Тебя горько прогневав. С каким дерзновением взгляну на Тебя, страшного Судию, я, скверный и блудный?! Но, Господи славы благоутробный, Отче, и Сыне едиnorodный, и Душе Святой, помилуй меня, и избавь меня тогда от огня неугасимого, и сподобь меня одесную Тебя стать, Судия праведный!»²⁸

²⁸ См. молитву мч. Евстратия, читаемую во время субботней полунощницы.

О СЛЕЗАХ: ЧТО ПОДОБАЕТ ДЕЛАТЬ ХОТЯЩИМ ОБРЕСТИ ИХ

8

Если, говоря это и подобное этому и [так] помышляя, Божией благодатию обретем при том слезы, подобает плакать, сколько силы и крепости имеем, потому что, сказали отцы, плачем избавляемся мы от вечного огня и прочих будущих мук. Если же не сможем много плакать, то понудим себя хотя бы малые капли с болезнованием источить, «ибо, несомненно, добрым нашим Судией, – говорит Лествичник, – как все, так и слезы судятся [по мере] естественной силы. Ибо видел я, – сказал он, – малые капли, словно кровь с болезнованием изливаемые, и видел источники, без болезни истекающие. Я же по болезнованию более, а не по слезам о подвижающихся судил, думаю, что так же и Бог». Если же не сможем обрести мы даже и малой слезы когда-либо из-за слабости и небрежения нашего или по иным каким причинам, то да не отпадем [от делания] и не малодушествуем, но да скорбим и воздыхаем, сетуем и печалимся о взыскании того с благой надеждой. «Ибо скорбь ума меру всех телесных дел восполняет», – говорит святой Исаак. И еще сказал Лествичник: «У тех, которые по причине [бесплодного] искания слез называют себя окаянными и осуждают [себя] с воздыханиями, сокрушением и печалью душевной, глубоким сетованием и недоумением, – [все это] может безопасно заменять слезы, хотя ими и ни во что не вмещается». Случается же, когда и по немощи какой-либо не бывает слез, как говорит святой Исаак; не только у кого-либо ищущего их, но и у обретшего и принявшего дар слез

они прекращаются и теплота остывает из-за телесной немощи. И Симеон Новый Богослов, говоря о слезах, всегда плакать повелевает, даже если по неизреченному некоему устроению [Промысла] или по иной какой случившейся причине, сказал он, будут они источаться [у нас] скудно. И еще, от Писания приняв, так рассуждает он, что, кроме того, и Давид говорил: *Жертва Богу – дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничтожит* (Пс. 50, 19), – и справедливо сказал. Потому подобает духом и сердцем сокрушенным и смиренным скорбеть в уме, и печалиться, и искать слез. Искать же, если истинно хотим, подобает так, как повелевает Святое Писание. Особенно Симеон Новый Богослов об этом обстоятельно пишет: и Давидовы изречения вспоминает, и Лествичником написанное приводит; хотящий навыкнуть [этому деланию] в самую книгу да вникнет. Если только естество тела его не изнеможет, ведь иначе бесполезно противоборствовать естеству: «Когда тело немощное понудишь на делание выше силы его, то к помрачению души добавишь еще помрачение и приложишь ей большее смущение», – говорит святой Исаак; и прочие отцы согласны с этим.

Это сказано отцами об истинной немощи, а не о притворной, то есть не о немощи, [представляющейся только] в помысле. В остальном же хорошо себя понуждать, как сказал св. Симеон. Он, и прочее о том написав, говорил: «Если в таковом устроении будет наша душа – никогда не останется без слез». Мы же, если не можем в таковую меру себя возвести, постараемся хотя бы малой части [их] сподобиться и да просим этого с болезнованием сердца у Господа Бога. Ведь говорят

святые отцы, что благодать слез есть дар Божий, один из великих, и повелевают у Господа просить его. Ибо говорит преподобный Нил Синайский: «Прежде всего молись о получении слез». Блаженный же Григорий, Святейший Папа Римский, пишет: «Если иные в делах благих пребывают и сподобились прочих дарований, слез же не получили, то подобает просить, чтобы восплакать [им] или по страху Суда, или по любви к Царствию Небесному, или по причине зла, которое прежде они соделали; и тогда в будущем туда, где [находятся] великие, и эти, горя любовью, войдут». И приводит он притчу из Священного Писания про Асхань, дочь Халева, которая, сидя на осленке, вздохнув, просила у отца своего землю с проточной водой, говоря: *Сухую ты мне дал, прибавь и с водою. И дал ей отец ее сухую на горе и с водой внизу* (см. Ис. Нав. 15, 19). И толкует он, что Асхань – это душа, сидящая на осленке, то есть на бессловесных плотских движениях, а что, вздохнув, просила она у отца своего землю с водой проточной – это показывает, что с великим воздыханием подобает просить нам у Создателя нашего дар слез; и прочие святые согласны с этим.

Как же будем просить и молиться об этом и откуда начало положим? Только от Божественных Писаний: *Не способны мы сами помыслить что-либо от себя, но способность наша* (см. 2 Кор. 3, 5) – Богодухновенное Писание, как святые написали.

АНДРЕЙ КРИТСКИЙ. Откуда начну оплакивать дела страстного моего жития? Какое начало положу нынешнему рыданию? Но, как Милосердный, дай мне, [Господи], слезы умиления, да, плача, исповедаю Тебе,

Творцу всех и Создателю нашему Богу, сколько согрешил я пред Тобою окаянной душою моею и скверною моею плотью, да, Твоею помощью укрепляемый, оставлю впредь прежнее [мое] бессловесие и принесу Тебе слезы покаяния!

ГЕРМАНА ЦАРЕГРАДСКОГО. Боже мой, Творче всего мира, Создателю мой, источивший в древности источники вод из нерассеченного камня [и] уладивший горькие воды, зеницам очей моих подай источники слез, голову мою наполни водами чистительными и брови мои сделай облаками, всегда изливающими. Ибо грязь ума и душевная скверна, Владыка, требуют иссопа Твоего человеколюбия, очи сердечные — воды, дождя непрестанных слез, или озера, или источников, душу очищающих.

ЕФРЕМ. Даруй всегда, Владыка, мне недостойному слезы для просвещения сердца, да, просветившись сердцем, источу я со сладостью источники слез в чистой молитве, чтобы истребилось великое написание моих грехов в слезах малых и чтобы угас там от малого этого плача огонь палящий!

СИМЕОНА НОВОГО БОГОСЛОВА. Господи, Создателю всех! Сам мне дай руку помощи, и очисти скверну души моей, и подай мне слезы покаяния, слезы любви, слезы спасительные, слезы, очищающие мрак ума моего, светлым меня соделывающие свыше, — дабы желать [мне] видеть Тебя, свет мира, просвещение моих окаянных очей!

ПЕСНОПИСЦЫ. О Христе, Царю всех, дай мне слезы теплые, да оплачу душу свою, каковую зло я погубил. Тчу мне подай, Христе, как Щедрый, слез божествен-

ного умиления, да оплачу и омою я скверну – порождение страстей и явлюсь Тебе очищенным. Слезы дай мне, Боже, как в древности жене-грешнице!

И прочее из стихов, и иное, подобное этому, находящееся во Святых Писаниях, подобает прилежно произносить из глубины сердца при испрашивании слез; и «будем часто молиться Господу», как говорит святой Исаак, «да подаст нам эту благодать слез, лучшую прочих дарований и превосходящую их». Ибо если стяжем ее, то ею войдем мы в душевную чистоту и духовно получим все блага.

Некоторые же, не стяжавшие еще в совершенстве дара слез, приобретают их кто от чего: один – через рассмотрение таинств человеколюбия Господня, другой – от чтения повестей о житии и подвигах святых и [их] поучений, иной – от одного произнесения молитвы Иисусовой. Иной же от некоторых молитв, составленных святыми, в умиление приходит, иной сокрушается от неких канонов и тропарей, другой – грехи свои вспоминая, а иной – от памятования смерти и Суда, иной – от желания будущего наслаждения, – и другими различными образами [снискивают слезы]. И однако, от чего бы кто не обретал их, тем тому и заниматься подобает и удерживать плач, когда придет, поскольку сказали отцы: «Хотящий избавиться от грехов – плачем избавляется от них, и не хотящий стяжать их – плачем от них сохраняется», ибо это путь покаяния и плод его. О всякой напасти, находящей на нас, и о всяком помышлении вражеском подобает [человеку] плакать пред благостью Божией, чтобы Он помог ему; и найдет успокоение таковой вскоре, если с разу-

мом молится. Симеон же Новый Богослов все добродетели называет воинством, а Царем и военачальником – умиление и плач. «Поскольку тот, – сказал он, – вооружает, и научает, и укрепляет бороться с врагом во всех начинаниях, и сохраняет от ратей противника». Если же когда и в непохвальных помыслах окажется ум наш, или даже в греховных, или в чем-то из слышанного или виденного, или в любви к естественному, или в скорби бесполезной, – если же и от этого явятся у нас слезы – подобает предложить их на полезные: или на славословие и исповедание Божие, или на [памятование] смерти, и Суда, и мук и проч. – и так плакать. Ведь говорит Лествичник: «Слезы от [причин] греховных или естественных на духовные предлагать достохвально; когда же Божией благодатью душа сама собою, без нашего умышления и старания, умиляется и восплачет – это есть посещение Господне и слезы благочестивые. Хранить их подобает как зеницу ока, пока не отойдут, ибо имеют они великую силу для истребления грехов и страстей – более, чем слезы, бывающие от нашего старания и ухищрения». Когда же благодаря вниманию, то есть хранению сердечному, от Божественной благодати явится в молитве духовное действие, влагая теплоту, согревающую сердце и утешающую душу, и неизреченно распаляя в любовь к Богу и людям, ум веселя и сладость изнутри и радость подавая, – тогда слезы самопроизвольно изливаются, без понуждения сами по себе источаются, «утешая болезнующую душу, подобно младенцу в себе плачущую и вместе светло улыбающуюся», как говорит Лествичник. Этих слез да сподобит нас Господь! Потому что для нас, новона-

чальных и еще неискусных, большего, чем это, иного утешения нет. Когда же благодатью Божией это дарование умножится в нас, тогда облегчение браней бывает и помыслов умиротворение, ум же, словно обильной пищей, молитвой насыщается и веселится, а из сердца исходит некая невыразимая сладость, и на все тело внезапно находит, и во всех членах болезнование обращает в сладость. «Таково утешение, от плача рождаемое», – говорит святой Исаак, по слову Господа: *каждому по благодати, данной ему* (см. Рим. 12, 6). Тогда бывает человек в радости, не обретаемой в веке этом, и никто не знает того, – только предавшие себя всей душой таковому деланию.

ОБ ОХРАНЕНИИ [СЕБЯ] ПОСЛЕ ТОГО

9

Когда же сподобит нас Господь благодатью Своею обрести слезы и плакать или чисто помолиться, тогда всячески подобает сохранять себя от духа гнева и прочих неподобающих помыслов. Ибо или внутренне, помыслами, усиливается тогда смутить нас враг, или извне мятеж и брань навести ухищряется, стараясь сотворить наше дело порочным; как сказал Лествичник: «Когда трезвенно помолишься, вскоре на гнев борим будешь, ибо это есть умысел врагов. Потому, – сказал он, – всякую добродетель, особенно же молитву, да совершаем всегда со многим чувством; также и после молитвы [нужно] стараться пребывать выше ярости, гнева и прочего душевредного, поскольку, – говорил он, – безгневие в новоначальных, как некоторой уздой, удерживается слезами. И если послабим узду и неис-

кусно будем управлять, тотчас [гнев] бесчинствует». Также и Нил Постник говорит: «Сильно бес завидует человеку молящемуся и всякими кознями старается помешать его уму, непрестанно обращая в памяти помыслы о [различных] вещах и все страсти воздвигая посредством плоти, чтобы смочь воспрепятствовать его доброму течению и шествию к Богу. Когда же, много потрудившись, не сможет лукавейший бес помешать молитве усердного, тогда немного послабит и потом отмщает тому помолившемуся: либо до гнева его разжегши, губит бывающее в нем от молитвы доброе устройство, либо сластью некой бессловесной раздражив, помрачает ум. Потому, – сказал он, – помолившись как подобает, ожидай чего не подобает и стань мужественно, храня плод свой. Ибо на это изначально поставлен ты был, – чтобы *делать и хранить*, так что, делая, не оставляй снисканного трудом без охранения. Если же не [будешь] так [поступать], – никакой не получишь пользы, молясь». А [слова] *делать и хранить* святой этот из Ветхого [Завета] привел, ибо говорит Писание: *Сотворил Бог Адама и ввел его в рай – возделывать и охранять* (см. Быт. 2, 7,15) рай. И здесь делом райским [преподобный Нил] молитву назвал, хранением же – соблюдение [себя] после молитвы от помыслов неподобающих. И когда посетит нас Господь в таком²⁹, всячески да храним себя от неподобающих помыслов, особенно же от слов и дел, и чувства тщательно да соблюдаем тогда, чтобы через них не воздвиглась на нас брань. Если же невольно впадет душа в помышления, тотчас прибежем к Сотворившему ее

²⁹ Т. е. благодатью в молитве.

с мольбой, и Тот разорит их все. Лучше и беспечальнее этого делания нет. Так с [помощью] Бога, подающего силу, души наши в страхе Его мы сохраним, не попуская уму ни от расслабляющих помыслов рассеяться, ни суетным веселием быть расхищенным, чтобы из-за неутвержденности слабого помысла душе приобретенного умиления не погубить. Итак, после слез и молитвы в том же устроении себя да сохраняем.

ОБ ОТСЕЧЕНИИ [ЗАБОТ] И БЕСПОПЕЧЕНИИ ИСТИННОМ, КАКОВОЕ ЕСТЬ УМЕРЩВЛЕНИЕ ДЛЯ ВСЕГО

10

Чудные же эти делания, о которых сказали мы, непременно требуют отсечения попечений, то есть умерщвления для всего, упражнения в одном [лишь] деле Божиим и внимания [единственно к нему], как сказали познавшие премудрость [эту] опытом великие отцы. Ибо говорит Макарий Великий: «Хотящий приступить ко Господу, жизни вечной сподобиться, жилищем Христа стать и Святого Духа исполниться, чтобы плоды Его по всем заповедям Господним смочь чисто и непорочно принести, должен начать так. Первое — твердо веровать в Господа, всего себя отдать словам заповедей Его и отречься от мира во всем, — да не опустошится ум по причине чего-либо из видимого, но только единого Господа и заповеди Его пред очами иметь и только Тому Единому стремиться быть угодным. И надлежит в молитве всегда пребывать, на посещение Божие и помощь Его надеясь, помышление ума своего имея в том постоянно; и подобает, хотя бы и не хотело сердце из-за обладающего им греха, понуждать себя

всегда ко всякому благу, ко всем заповедям Господним, сколько есть сил, веруя, что, придя, Господь вселится в него [(делателя)], и усовершенствует, и укрепит его во всех заповедях; и Сам Господь станет жилищем души. И должно помнить о Господе всегда, надеясь на Него с любовью mnogой. Тогда Господь, видя таковое благое произволение и усердие [человека], сотворяет с ним Свою милость и избавляет его от врагов его и от живущего в нем греха, исполняя его Святым Духом. И так впредь без усилий и без труда творит он все [заповеди] Господни поистине, скорее же – Господь в нем, и тогда плоды Духа приносит чисто». И Василий Великий говорит: «Начало чистоты души – безмолвие». И Иоанн Лествичник сказал: «Дело безмолвия – беспопечительность о благословных и непозволительных вещах, и молитва ³⁰ без лености, и, третье, – делание сердца неокрадываемое». Благословными же вещами не то называет, что ныне в обычае мы имеем: приобретение сел, и содержание многих имений, и прочие связи с миром, – ибо это непозволительно, но то, что благообразно происходит и кажется спасительным для души – беседы, ведь и те должно вести в подобающее время и в меру, с духовными и благоговейными отцами и братьями. Ибо если [и] их вести будем без охранения [себя], то во второе, [непозволительное], непременно и невольно впадем. И это мы сказали о первом, [то есть] о благословном; второе же – это словопрение и прекословие, роптание и осуждение, уничижение и укорение и прочее зло, в которое от предваряющего то благословного впадаем. «Невозможно, – сказал [Лествич-

³⁰ Имеется в виду псалмопение.

ник], – по естественному порядку вещей, чтоб не изучивший букв изучал книги, тем более невозможно не стяжавшему [из деланий безмолвия] первого оба [последующих] с разумом проходить». И в общем, просто сказать, невозможно не учившемуся грамоте ни говорить от книг, ни читать, ни канонаршить, тем более невозможно не стяжавшему первого, то есть беспопечительности о благословных и непозволительных вещах, или умерщвления для всего, совершать пение с разумом без лености и молитву со вниманием, то есть сердечное делание. Молитвою без лености называет здесь ³¹ [Лествичник] стояние в пении, деланием же сердечным – сидение в молитве и хранение ума. И в другом месте: «Малый волос беспокоит око, и малое попечение истребляет безмолвие». И еще: «Вкусивший молитвы часто одним сказанным им словом оскверняет ум и, на молитву представ, любимого не обретает по обычному». Так же и Симеон Новый Богослов сказал: «Да будет у тебя житие безмолвно, и беспопечительно, и для всего умерщвлено», и, это прежде всего поставив, затем, [уже] после того, учит о молитве и внимании. И Исаак хотящим истинно безмолвствовать и очищать в молитве ум говорит: «Удалились от видения мира, и отсеки беседы, и не желай принимать по обычаю друзей в келию свою, даже под благим предлогом, кроме тех одних, которые с тобой единомысленны, и единовольны, и [твои] сотаинники; и бойся от бесед душевного смущения, которое обычно невольно действует и после того, как прекратится и пре-

³¹ Смотри вышеприведенную цитату прп. Иоанна Лествичника: «Дело безмолвия...»

сечется общение внешнее. И это, – говорит он, – знаем по опыту. Ибо, когда прекратим таковые беседы, хотя бы и казались они хорошими, – тотчас по прекращении собеседований бываем душою в смущении; хотя бы и не хотели мы, они и невольно обращаются в нас и с нами немалое время пребывают. Потому что несвоевременные и излишние речи, [даже] и с ближними, и с любимыми нашими, производят смущение, сильно растлевают умное хранение и тайное поучение». В другом месте об этом еще жестче говорит опять [св. Исаак] так: «О, какое зло – лицезрение [людей] и беседа для пребывающих в безмолвии истинно! О братия! Больше, чем для непридерживающихся безмолвия. Как суровость заморозка, внезапно напав на верхушки садовых [растений], иссушает их, так и беседы человеческие, если и предельно кратки, и кажутся ведущими к добру, иссушают цветы добродетелей, только расцветающие от благотворного действия безмолвия и своей мягкостью и молодостью окружающие сад души, *насажденный при исходах вод* (см. Пс. 1, 3) покаяния. И как суровость инея, поражая вновь прорастающее, пожигает то, так и беседы человеческие [повреждают] корень ума, начавший приносить злак добродетелей. И если беседа с теми, кто в чем-то воздерживается, а в чем-то малые недостатки имеет, обыкновенно вредит душе, то насколько больше – встреча и собеседование с [людьми] невежественными и неразумными (да не скажу «с мирскими»). Как человек благородный и честный, когда опьянеет, то забывает свое благородство, и обесчещивается чин его, и осмеяна бывает честь его из-за чуждых

помыслов, пришедших ему от силы вина, так и целомудрие души оскверняется от лицемерия [людей] и бесед человеческих; и забывает она образ хранения своего, и изглаживается из ума соблюдение [доброго] произволения, и искореняется в ней всякое основание похвального устроения.

Итак, если беседа и рассеяние себя или [одно] поползновение к тому, приключающееся из-за многого виденного и слышанного, могут в пребывающем в безмолвии омрачение ума и холодность к Божественному произвести и если в краткий час такой вред причиняют, то что скажем о встречах постоянных и долгом участии в них?» И в другом месте тот же святой Исаак говорит: «Любящий мирские собеседования лишается жизни, и не имею ничего сказать о нем, только то, чтоб с плачем рыдать [о нем] рыданием неутешным, слышание которого сокрушает слышащих сердца». И еще в ином месте сказал он, что одно лицемерие мирских может силу подать страстям расслабить подвижника, изменить образ мыслей и намерение его. Потому не подобает иноку приобщаться тому, что ему противоборствует, но [должно] удаляться от приближения ко всему, в чем искушается свобода его. Ибо когда человек приходит к Богу, чтобы положить завет перед Ним, то должен удаляться не только от всего этого, но и от видения всякого чина [людей] мирских и от слышания слов их [или] чего-либо о них.

И много еще подобного тому пишут этот святой и другие святые; итак, мы веруем, что [это] непременно истина.

О ТОМ, ЧТО НЕ ПРЕЖДЕ ВРЕМЕНИ И В ПОДОБАЮЩУЮ МЕРУ ЭТИ ДЕЛАНИЯ ПОДОБАЕТ СОВЕРШАТЬ

11

И самые эти добрые и благолепные делания подобает совершать с рассуждением, благовременно и в подобающей мере; как говорит Василий Великий: «Все совершаемое [должно] предварять рассуждением, ибо без рассуждения и доброе во зло бывает по причине несвоевременности и несоблюдения меры. Когда же рассуждение установит для благого время и меру, — чудный прибыток получается». И Лествичник, из Писания заимствовав, говорит: *«Время всякой вещи под небом»* (Еккл. 3, 1), во всем же и в нашем жителстве священном всему свое время». И чуть дальше сказал: «Время безмолвию и время бессуетным попечениям, время непрестанной молитве и время нелицемерному служению; итак, да не взыщем, гордостным усердием прельщаемые, прежде времени [того, что придет в свое] время, [иначе] и вовремя этого не получим. Поскольку есть время сеять труды и есть время пожинать колосья благодати неизреченной». И в другом месте предложил он притчу: «Небезопасно неискусному от множества воинов отделиться на единоборство и небезопасно иноку прежде искуса и многого обучения [в борьбе] с душевными страстями начать безмолвие, ведь один телесно, другой же душевно подвергнутся бедам». Ибо «редким дано проходить истинное безмолвие — лишь тем одним, которые приняли Божественное утешение, облегчающее труды, и помощь в бранях». И Варсонофий Великий брату, прочитавшему в «Отечнике», что поистине хотящий спастись дол-

жен прежде среди людей понести досаждения, поношения, бесчестия и прочее, подобно Господу, и тогда [уже может] пойти на совершенное безмолвие, которое является восхождением на крест, то есть умерщвлением для всего, отвечал, говоря: «Хорошо сказали отцы, и [невозможно] иначе». И другому сказал: «Прежде чем человек не приобретет себя, безмолвие дает повод для высокоумия; приобретение же себя – [это] непорочным быть в смирении». И еще сказал: «Если дерзнешь взойти выше меры своей, тогда поймешь, что погубишь и то, что имеешь. Но держись среднего, внимая воле Божией. Ибо если кто захочет оставить попечения прежде времени, общий враг уготовит ему более смущение, нежели покой, и доведет его до того, чтобы сказать: “Лучше бы мне было не родиться”. Сказал же святой это [постольку], поскольку и множество обольщений последует тому, как и Григорий Синаит говорит: «И в древности, и ныне многим, в безмолвии неискусным, случалось прельститься, и после многих трудов новоначальные и самочинные навлекают на себя более поношение и смех – без рассуждения, я имею в виду, безмолвствующие. Ибо память Божия, то есть умная молитва, есть выше всех деланий и глава добродетелей, как [и] любовь Божия, и тот, кто бесстыдно и дерзостно хочет войти к Богу и часто беседовать с Ним, усиливаясь стяжать Его в себе, легко умерщвляется бесами, если будет попущено. Ибо дерзкий и высокомерный, взыскав с кичением то, что выше достоинства его и устроения, прежде времени спешит того достигнуть. Но [лишь] сильным и совершенным возможно наедине бороться с бесами и меч, *то есть*

глагол Божий (Еф. 6, 17), против них извлекать, немощные же и новоначальные, как к твердыне, прибегая к благоговению и страху и от единоборства уклоняясь, не смея прежде времени бороться, – избегают смерти».

Нам, слышащим это, подобает себя хранить и прежде времени не дерзать на высокое, чтобы кто-либо [из нас], повредившись, и душу не погубил. Но в подобающее время и среднею мерою, как видится, [делание] проходить удобнее, ибо и Писание свидетельствует, что средний путь – непадателен. Подобающее же время есть то, которому предшествует обучение среди людей, а средний путь – это с одним или, более, с двумя братьями житие. Как [и] Иоанн Лествичник повелел желающим непрестанно работать Христу избирать места и образы жительства, подходящие для них. «Есть три вида, – сказал он, – правильного устройства иноческого жительства: или уединенное отшельничество, или с одним, большее – с двумя, безмолвствование, или общее житие». И из Писания привел: *Не уклоняйся ни направо, ни налево, но путем царским гряди* (Втор. 5, 32; Числ. 21, 22), ведь средний из вышеуказанных путей, то есть безмолвие с одним или с двумя, для многих оказался самым подходящим. «Ибо горе, – сказал он, – одному: если упадет в уныние или сон, разленение или отчаяние – некому из людей поднять его». И Самого Господа слово привел [Лествичник], Который сказал: *Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них* (Мф. 18, 20). И в другом месте Писание говорит: *«Двоим лучше, чем одному»* (Екл. 4, 9), то есть благо отцу с [духовным] сыном подвизаться при содействии Божественного Духа против [прежних] пристрастий».

И чуть ниже: «Кто без помощи начинает бороться с духами – умерщвляется ими». Благие же нравы некоторых перечислив, сказал: «Таковым пребывание среди людей совсем бесполезно, ибо могут они из безмолвия, как из пристани, восходить с наставником на небо, не имея нужды пребывать среди [случающихся] в общении молв и соблазнов». А неискусным и душевными страстями побеждаемым безмолвия, в особенности уединения, не велели отцы и касаться. Страсти же душевные – это тщеславие, самомнение, лукавство и прочие, от этих [происходящие]. «Ибо кто этим недугует и начинает безмолвие, тот подобен соскочившему с корабля и на доске достигнуть безопасно земли мнящему, – сказал Лествичник. – Тем же, которые со скверной борются, то есть с телесными страстями, [на уединение исходить возможно], но и им не просто, не как случилось, а в [подобающее] время, если и наставника имеют, ибо уединение требует ангельской крепости». И еще, некоторые из душевных страстей упомянув, говорит, что угнетаемый ими «и следа безмолвия видеть да не дерзает, чтобы исступлением [ума] не пострадать». И находим мы во Святых Писаниях, что и иные многие дивные и великие отцы так учили и так поступали.

Святой Исаак больше всех безмолвие похвалил и Арсения Великого совершенным безмолвником называет, [однако] и тот служителя и учеников имел. Также и Нил Синайский, и Даниил Скитский учеников имели, как о них повествуют писания, и многие иные; и повсюду во Святых Писаниях находятся похвалы безмолвию с одним или с двумя. Как и мы сами очевидцами были, во святой горе Афонской, в землях Царь-

града и в иных местах многие таким образом жительствуют: если находится [где-либо] духовный старец, имеющий одного ученика или двух, а при потребности иногда и третьего, и если кто-либо [еще] вблизи безмолвствует, то, в подобающее время приходя [друг к другу], просвещаются они беседами духовными. Ибо мы, новоначальные и неразумные, один от другого вразумляемся и укрепляемся, как написано: *Брат, когда ему помогает брат, – как град крепкий* (Прит. 18,19), и имеем учителя непрельщенного – Божественные Писания. Потому нам [и] видится удобным пребывание с одним или двумя верными и единомысленными в деле Божиим братьями, дабы от Святых Писаний воле Божией [все] научались и, когда подаст кому-либо Бог большее разумение, брат брата да назидал, и друг другу мы помогали, будучи боримы бесами и терзаемы страстями, как говорит святой Ефрем; и так, благодатью Божиею, на дела благие себя да направляем.

Прежде же всего, когда хотим жилище безмолвия созидать, подобает приуготовить нам себя молитвой – да даст нам Бог для совершения его [необходимые] свойства, как сказал Лествичник, то есть терпение в пребывании на одном месте, чтобы по положению основания не стать [нам] посмешищем для врагов и преткновением для других делателей, но пребывать в делах благих сохраняемыми благодатью Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, по молитвам Пречистой Владычицы нашей Богородицы и всех святых, в делании добродетелей просиявших. «Уразумеем же и то, что не ради исполнения больших правил, чтобы их исполнять, избираем мы места безмолвные», как ска-

зал святой Исаак, «ибо известно, что пребывание со многими более содействует этому³²», но чтобы отступить от мятежей, и попечений бесполезных, и прочего неудобного Богу и пребывать в заповедях Его, приобретая необходимое на потребу от трудов своих или, если [недостаточно этого], принимая милостыню, откуда усмотрит благодать Его. От излишнего же всячески [должно нам] отвращаться, а ссор и тяжб из-за вещественных приобретений, как яда смертоносного, избегать.

И, эти угодные Богу делания совершая: пение, молитву, чтение и поучение в духовном, рукоделие и исполнение какой-либо работы – и внутренним человеком с Богом соединяясь, сколько по силам, во благих делах славу да воссылаем Отцу, и Сыну, и Святому Духу – Единому в Троице Богу, ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

Итак, Божией помощью укрепляемые, мы, неразумные, написали это по мере худости нашего разума в напоминание себе и подобным мне, в чине учимых находящимся, – и если имеют [к тому] произволение. Не от себя же, как и в начале этих писаний сказал я, но от Божодухновенных Писаний святых отцов, просвещенных разумом. Ибо все, что здесь, – не без свидетельства

³² Здесь под «правилами» прп. Исаак подразумевает молитву внешнюю, т.е. продолжительные церковные последования и длительные келейные правила с вычитыванием разнообразных молитвословий, псалмов, канонов и т.д.; он говорит, что совершению их, «по причине телесного рвения», более способствует жителство в общежитии. Основное же делание безмолвия – умная молитва (см. прп. Исаака Сирина слово 41).

Божественных Писаний [приведено]. И если найдется в этом что-либо неудобное Богу и бесполезное для души, из-за нашего неразумия, – да не будет [творимо] то, но воля Божия, совершенная и благоприятная, да исполняется, а я прощение прошу. Если же кто-то относительно этого лучшее и полезнейшее разумеет, пусть так и совершает, – мы тому порадуетесь. Если же от этого [писания] кто-то пользу получит, пусть и о мне грешном помолится, да обрету милость пред Господом.

ДУХОВНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ ПРЕПОДОБНОГО НИЛА

К этому и еще я, недостойный Нил, моих ближних господ и братий, которые [одного] со мною духа, молю: по кончине моей повергните тело мое в пустынном месте, да изгложут его звери и птицы, потому что согрешило оно пред Богом много и недостойно погребения. Если же так не сделаете, то на месте, где живем, выкопав яму, погребите меня со всяким бесчестьем. Бойтесь же слова, которое заповедал Великий Арсений ученикам своим, говоря: «На суде стану с вами, если кому дадите тело мое». Ибо и у меня, сколько в силах моих, старание было о том, чтобы не сподобиться мне никакой чести и славы этого века, как в жизни этой, так и по смерти моей. Молю же всех, да помолятся о душе моей грешной, и прощение прошу у всех, и от меня прощение да будет: Бог да простит всех нас.

ТРОПАРЬ, ГЛАС 4:

Удалився, бегая, давидски, мира, и вся, яже в нем, яко уметы, вменив, и, в месте безмолвне вселився, духовныя радости исполнился еси, отче наш Ниле, и, единому Богу изволив служити, процвел еси, яко финикс, и, яко лоза благоплодна, умножил еси чада пустыни. Тем благодарственно вопием: слава Укрепльшему тя в подвиге пустынножительства; слава Избравшему тя в России отшельником уставоположника изрядна; слава молитвами твоими и нас спасающему.

ИН ТРОПАРЬ, ГЛАС 1:

Мирскаго жития отвергся и мятежа житейскаго бегая, преподобне и Богоносне отче наш Ниле, не обленился еси собрати цветы райския от писаний отеческих и, в пустыню вселився, процвел еси, яко крин сельный, отнюду же прешел еси и в Небесныя обители; научи и нас, честно почитающих тя, твоим царским путем шествовати и молися о душах наших.

КОНДАК, ГЛАГ 8:

Любве ради Христовы удалився мирских смущений, радостною душею вселился еси в пустыни, в нейже подвизався добре, яко Ангел на земли, отче Ниле, пожил еси: бдением бо и постом тело свое изнурил еси вечныя ради жизни. Еяже ныне сподобився, во свете неизреченныя радости Пресвятей Троице со святыми предстоя, моли, молимтися, припадающе, чада твоя, сохранитися нам от всякаго навета и злых обстояний видимых и невидимых враг и спастися душам нашим.

ИН КОНДАК, ГЛАГ 3:

Терпя, потерпел еси суетныя обычаи и мирския нравы братий твоих, обрел еси пустынное безмолвие, преподобне отче, идеже постом, бдением и непрестанною молитвою в трудах подвизався, ученьми твоими правыя стези указал еси нам шествовати ко Господу. Темже и почитаем тя, всеблаженне Ниле.

МОЛИТВА:

О преподобне и Богоблаженне отче Ниле, Богомудрый наставниче и учителю наш! Ты, любве ради Божия удаляся мирских смущений, в непроходней пустыни и в дебрех изволил еси вселиться, и, яко лоза благоплодна, умножив чада пустыни, явил еси себе им словом, писанием и житием образ всякия иноческа добродетели, и, яко Ангел во плоти, пожив на земли, ныне в селениях Небесных, идеже празднующих глас непрестанный, водворяешися, и, с лики святых Богу предстоя, Тому хвалы и славословия непрестанно приносиши. Молим тя, Богоблаженне, настави и нас, жительствующих под кровом твоим, непреткновенно ходити по стопам твоим: любить Господа Бога всем сердцем своим, Того Единого вожделети и о том Едином помышляти, мужественно же и благоискусно пратися с долу влекущими нас помыслы и прилоги вражиими и тех всегда побеждати; возлюбити всякую тесноту монашескаго жития и возненавидети красная мира сего любве ради Христовы и насадити в сердцах своих всякую добродетель, в нейже сам потрудился еси. Моли Христа Бога, да и всем православным христианом, в мире живущим, просветит ум и очи Сердечная, еже ко спасению, утвер-

дит их в вере, и благочестии, и в делании заповедей Своих, сохранит от лести мира сего и дарует им и нам оставление грехов и к сим приложит, по неложному обетованию Своему, и вся потребная нам ко временному животу. Да, в пустыни и в мире жительствуяще, тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте и Того усты и сердцем прославим купно со Безначальным Его Отцем и Пресвятым и Благим и Животворящим Его Духом всегда, ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

ВЕЛИЧАНИЕ:

Ублажаем тя, преподобне отче наш Ниле, и чтим святую память твою, наставниче монахов и собеседниче Ангелов.

*При оформлении обложки использовано
изображение преподобного Нила Сорского
с книжной миниатюры XVI века.*

Формат 60x84¹/₁₆. Тираж 5000 экз.

Усл. п. л. 5,6. Заказ 1322.

Издательство Ново-Тихвинского женского монастыря.

Лицензия Министерства РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
от 27.02.01г. № 04117

620144, г. Екатеринбург, Зеленая Роща, 1.

Телефон: (3432) 47-47-28, 48-48-41, 48-26-29.

E-mail: mail@sestru.ru

[http:// www.sestry.ru](http://www.sestry.ru)

Отпечатано с готового оригинал-макета
в полиграфическом объединении «Книга».
454000, г. Челябинск, ул. Постышева, 2

ISBN 5—94512—022—7

Издательство Ново-Тихвинского женского монастыря, 2002